

А. С. ЛУШКИН

«РУССКИЙ ТИТУЛ»

ИЛИ

БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

He ucky man (sa) new
Pyr Ky rye ke —

Александр Пушкинъ,

А.С.ПУШКИН

«РУССКИЙ ТИТУЛ»

ИЛИ

БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

За помощь при осуществлении издания
составитель благодарит
Сергея Александровича Надева

Из песни слов не выкинешь... А можно ли выкидывать слова, каковы бы они ни были, из текстов первого поэта России, гения не только национального, но и мирового масштаба? Ведь эти «запретные» слова ни для кого не секрет, мы все их распрекрасно знаем... Между тем гениальный дар слова, данный Александру Сергеевичу Пушкину свыше, проявляется во всем, в том числе и в использовании неприличных слов, выражений или сюжетов.

«Неприличности» занимают очень малую толику в пушкинском наследии, и читающая публика должна иметь возможность ознакомиться с ними.

Счастливые обладатели собраний и сборников сочинений Александра Сергеевича Пушкина могут использовать эту книгу как дополнительный том.

Книга издана за счет средств составителя

*При оформлении книги было использовано более 150 рисунков
А.С. Пушкина*

ISBN 5-88699-006-2

© Составление, сопутствующие тексты, оформление, набор, верстка
Александр Х., 2001

**Согласно Закона РФ «Об авторских и смежных правах»
перепечатка всей книги или ее частей
влечёт за собой уголовное преследование.**

... я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали...

... шутка, вдохновенная сердечную веселостью и минутною игрой воображения, может показаться безнравственной только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие.

Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Многие желал бы я уничтожить как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей.

А.С.Пушкин

Предисловие

Непристойности, вульгаризмы, просторечия, ругательства, мат — атрибуты или же, напротив, «табу» языка литературы? Возможно ли использовать такое в высоком искусстве слова, либо нужно ограничиться только специальным литературным рафинированным языком? Сквернословие и гений — две вещи несовместных?

Споры не умолкают и поныне.

Предлагаемая на суд широкого круга читателей книга представляет собой скромную попытку разорвать завесу замалчивания над таким аспектом творчества и жизни Солнца русской поэзии — Александра Сергеевича Пушкина, — как использование неприличностей всякого рода: и крепких слов, и непристойных выражений, и «нескромных» сюжетов. Сам поэт именовал неприличные слова и выражения «русским титулом».

Пушкин без лакировочных изъятий и подмен; тексты в первоизданном их виде, без цензурных кастраций; стихотворения с «нескромными» сюжетами, когда-то скандализовавшие общество — вот предмет настоящей книги.

Книга предназначена для широкого круга читателей, и нимало не претендует на «новое слово», на какие-либо открытия или сенсации, на исчерпывающую полноту и завершенность. Все изложенные сведения давным-давно известны пушкинистам. Так отчего же читающая публика не может быть ознакомлена с ними? Для удобства и легкости чтения книга сознательно лишена атрибутов «наукообразия»: многочисленных концевых сносок, длинных занудных комментариев, толкований и рассу-

дений, — словом, всего, что может показаться скучным, утомительным и неинтересным.

При подготовке настоящего издания за основу были взяты исследования выдающегося пушкиниста Мстислава Александровича Цявловского.

Книга включает следующие разделы:

1. Избранные стихотворения разных лет с использованием неприличных слов, выражений либо сюжетов. Расположены в хронологическом порядке.
2. Баллада «Тень Баркова».
3. Поэма «Гаврилада».
4. Сказка «Царь Никита и сорок его дочерей»
5. Избранные стихотворения, приписываемые Пушкину. Это стихотворения, авторских автографов которых не сохранилось и которые дошли до нас в разнообразных рукописных списках. Лишь мнения современников, подчас весьма противоречивые, почерпнутые из воспоминаний, и лингвистический анализ позволяют делать предположения об авторстве.
6. Выдержки из писем А.С. Пушкина с использованием неприличных слов. Расположены в хронологическом порядке.
7. Указатель имен, в котором приведены основные сведения об упомянутых в текстах поэта лицах.

Тексты произведений Пушкина приводятся по так называемому малому академическому собранию сочинений:

А.С. Пушкин, полное собрание сочинений в 10 томах, издательство Академии Наук СССР, М.:1958.

Текст баллады «Тень Баркова» печатается в редакции М.А. Цявловского.

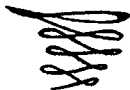
«Непечатные» слова и выражения в оригинальных текстах поэта, которые в Академическом издании заменены отточиями либо воспроизведены в отредактированном для печати виде, восстановлены согласно исследованиям М.А. Цявловского.

Тексты произведений, приписываемых Пушкину, собраны из различных материалов, изданий и публикаций.

При оформлении книги были использованы рисунки и росчерки поэта.

Вероятно, многие стихотворения в этом сборнике покажутся Вам, уважаемый Читатель, вполне благопристойными и целомудренными. Что ж, ведь нынче «век иной, иные нравы». Грань между пристойным и непристойным, между приличным и неприличным весьма зыбка и зависит от культурно-исторического состояния общества. То, что считалось недопустимым, богохульным, возмутительным, шокирующим, оказывается через некоторое время вполне в порядке вещей.

К сожалению, сегодня бытует, и не без основания, мнение: «Классиков все знают, но никто не читает». Надеемся, что эта книга привлечет многих и к другим, не имеющим отношения к теме настоящего издания, живительным родникам пушкинского гения.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Александр Пушкин

От всенощной вечер идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, — кричит, — управлюсь я с тобой;
Ты думаешь, что я уж и забыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшкою шалила?
Постой, о всем узнает муженек!»
— Тебе ль грозить! — Марфушка отвечает:
Ванюша — что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день, и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна,
А всякого словами разобидишь;
В чужой пизде соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна.

(1814 — май 1817)

В академическом издании в предпоследнем стихе вместо слов «В чужой пизде» — отточие.

Автографа этого стихотворения не сохранилось, а в копии И.И. Пущина вместо нецензурного слова стоят четыре точки, так что, возможно, следует читать «дыре».

КУПЛЕТЫ НА СЛОВА «С ПОЗВОЛЕНИЯ СКАЗАТЬ»

С позволения сказать,
Я сердит на вас ужасно,
Нет! — вы просите напрасно;
Не хочу пера марасть;
Можно ль честному поэту
Ставить к каждому куплету:
«С позволения сказать»?

С позволения сказать...
Престарелые красотки,
Пересчитывая четки,
Станут взапуски кричать:
«Это что?» — Да это скверно!
Сочинитель песни верно,
С позволения сказать...

С позволения сказать,
Есть над чем и посмеяться,
Надо всем, друзья, признаться,
Глупых можно тьму сыскать
Между дам и между нами,
Даже, даже... меж царями,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Доктор мой кнута достоин,
Хоть он трус, хоть он не воин.
Но уж мастер воевать,
Лечит делом и словами,
Да потом и в гроб пинками,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Моськина, по мне, прекрасна.
Знаю, что она опасна:
Мужу хочется бодать;
Но гусары ведь невинны,
Что у мужа роги длинные,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Много в свете рифмодеев,
Всё ученых грамотеев,
Чтобы всякий вздор писать;
Но, в пример и страх Европы,
Многим можно б высечь жопы,
С позволения сказать.

(1813–1817)

В академическом издании в последней строфе вместо слова
«жопы» — отточие.

Подобные куплеты лицеисты сочиняли на заранее за-
данные слова и читали их, собираясь по субботам.

К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, в бордели он ебака,
И всюду он гусар.

(1817)

В академическом издании третий стих печатается в следующей редакции: «Друзьям он верный друг, красавицам мучитель».

Орлов с Истоминой в постеле
В убогой наготе лежал.
Не отличился в жарком деле
Непостоянный генерал.
Не думав милого обидеть,
Взяла Лаиса микроскоп
И говорит: «Позволь увидеть,
Мой милый, чем меня ты ёб».

(1817)

В академическом издании вместо последнего стиха — отточие.

Истомина — балерина; *Лаиса* — здесь женщина легкого веселого поведения; *Орлов Михаил Федорович* — генерал, участник Отечественной войны, член литературного общества «Арзамас. Существовало мнение, что у блестящего генерала, вопреки молодецкой внешности, очень маленького размера член.

НА КАЧЕНОВСКОГО

Бессмертную рукой раздавленный зюл,
Позорного клейма ты вновь не заслужил!
Бесчестью твоему нужна ли перемена?
Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть?
Уймись — и прежним ты стихом доволен будь,
Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!

(1818)

Профессор московского университета и издатель журнала «Вестник Европы» М.Т. Каченовский выступил с резкой критикой вышедшей в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Каченовский был маленького роста и хрупкого телосложения.

Последний стих — цитирование из эпиграммы Дмитриева против Каченовского «Ответ»

НА СТРУДЗУ

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата,
А впрочем, мать твою ебу.

(1819)

В академическом издании последний стих печатается в следующей редакции: «И смерти немца Коцебу». М.А. Цявловский предполагал более правильной редакцию: «А впрочем, мать твою ебу», однако принадлежность этого стиха Пушкину не бесспорна.

А.А.Струдза — реакционный публицист, идеолог «Священного союза». *Коцебу* — убитый немецким студентом австрийский драматург, которого считали русским агентом.

27 МАЯ 1819 ГОДА

Веселый вечер в жизни нашей
Запомним, юные друзья;
Шампанского в стеклянной чаше
Шипела хладная струя.
Мы пили — и Венера с нами
Сидела преля за столом.
Когда ж вновь сядем вчетвером
С блядьми, вином и чубуками?

(1819)

В академическом издании в последнем стихе вместо слова «блядьми» — точки.

Стихи сохранились в записи П.П. Каверина со следующим пояснением: «Щербинин, Олсуфьев, Пушкин у меня в Петербурге ужинали; шампанское на лед было поставлено за сутки вперед; случайно тогдашняя красавица моя мимо шла; её зазвали; жар был несносный; Пушкина просили память этого вечера в нас продолжить стихами; вот они; оригинал у меня».

МАНСУРОВУ

Мансуров, закадышный друг,
Надень венок терновый,
Вздыхни — и рюмку выпей вдруг
За здоровье Крыловой.

Поверь, она верна тебе,
Как девственница Ласси,
Она покорствует судьбе
И госпоже Казасси.

Но скоро счастливой рукой
Набойку школы скинет,
На бархат ляжет пред тобой
И ляжечки раздвинет.

(1819)

В академическом издании вместо последнего стиха «И ляжечки раздвинет» — отточие.

П.Б. Мансуров — офицер; *М.М. Крылова* — ученица балетного училища; *Ласси* — актриса французской труппы, выступавшая на русской сцене; *М.Ф. Казасси* — главная надзирательница в театральной школе в Петербурге.

ЮРЬЕВУ

Здорово, Юрьев именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!
Сегодня для тебя пустынный
Осушит пенистый стакан.
Здорово, Юрьев именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!

Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!
Для нас, союзники молодые,
Надежды лампа зажжена.
Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель,
Где с громким криком сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.
Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель.

(1819)

В академическом издании в последней строфе вместо слова «бордель» — отточия.

Написано по случаю перевода Юрьева в лейб-уланский полк и его именин 20 сентября 1819 года.

ТЫ И Я

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян как маков цвет,
Я как смерть и тощ и бледен.
Не имея в век забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж средь горя и хлопот
Провожу дни на соломе.
Ешь ты сладко всякий день,
Тянешь вина не свободе,
И тебе нередко лень
Нужный долг отдать природе;
Я же с черствого куска,
От воды сырой и пресной,
Сажень за сто с чердака
За нуждой бегу известной.
Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором
Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором;
Я же грешную дыру
Не балую детской модой
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

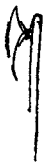
(1817 – 1820)

Направлено против Александра I.

Граф Д.И. Хвостов издавал свои стихи в огромных количествах на отличной плотной бумаге и, так как его творения не покупались, раздавал их всем, кто подворачивался под руку.

НА АРАКЧЕЕВА

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести,*
Бляди грошевой солдат.

(1817—1820)

В академическом издании в последнем стихе вместо слова «бляди» — отточие.

«Без лести предан» — придуманный Аракчеевым девиз для своего герба. В последнем стихе имеется в виду *Настасья Минкина* — дочь кучера, ставшая сожительницей, а позже и «домоправительницей» Аракчеева.

Эпиграмма расхвалилась в списках и изустно и стала известна всеильному мстительному Аракчееву, что не сошло Пушкину с рук: вскоре он был сослан, и только заступничество доброжелателей и друзей спасло поэта от Сибири или Соловков.

ДЕЛЬВИГУ

Друг Дельвиг, мой парнасский брат,
Твоей я прозой был утешен,
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад.
Ты знаешь сам: в минувши годы
Я на берегу парнасских вод
Любил марать поэмы, оды,
И даже зрел меня народ
На кукольном театре моды.
Бывало, что ни напишу,
Всё для иных не Русью пахнет;
Об чём цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковский ахнет.
Теперь едва, едва дышу.
От воздержанья муза чахнет,
И редко, редко с ней грешу.

.....
К неверной славе я хладею;
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
Как муж за гордою женой.

Я позабыл ее обеты,
Одна свобода мой кумир,
Но всё люблю, мои поэты,
Счастливый голос ваших лир.
Так точно, позабыв сегодня
Проказы младости своей,
Глядит с улыбкой ваша сводня
На шашни молодых блядей.

(1821)

В академическом издании в последней строчке вместо слова «блядей» — отточие.

Этими стихами начинается письмо Пушкина от 27 марта 1821 года из Кишинева к Дельвигу.

Тимковский И.О. — петербургский цензор, который запретил печатать поэму Пушкина «Русалка».

ЭПИГРАММА

Оставя честь судьбе на произвол,
Давыдова, живая жертва фурий,
От малых лет любила чуждый пол,
И вдруг беда, казнит ее Меркурий;
Раскаяться приходит ей пора,
Она лежит, глаз пухнет понемногу,
Вдруг лопнул он; что ж курва? — «Слава богу!
Всё к лучшему: вот новая дыра!»

(1821)

В академическом издании вместо «курва» напечатано «дама»; вместо «вот новая дыра!» - отточие.

В эпиграмме имеется в виду Давыдова Аглая Антоновна, француженка, жена А.Л. Давыдова. С ней Пушкин встречался в Каменке. Ее он занес в свой «Дон-Жуанский список».

Раззевавшись от обедни,
К Катакази еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом!
Подогнув под жопу ноги,
За вареньем, средь прохлад,
Как египетские боги,
Дамы преют и молчат.

«Признаюсь пред всей Европой,
Хромоногая кричит: —
Маврогений толстожопый
Душу, сердце мне томит.
Муж! вотще карманы грузно
Ты набил в семье моей.
И вотще ты пятишь гузно,
Маврогений мне милей».

Здравствуй, круглая соседка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты плешива, ты глупа.
Говорить с тобой нет мочи —
Всё прощаю! бог с тобой;
Ты с утра до темной ночи
Рада в банк играть со мной.

Вот еврейка с Тадарашкой.
Пламя пышет в подлеце,
Лапу держит под рубашкой,
Рыло на ее лице.
Весь от ужаса хладею:
Ах, еврейка, бог убьет!
Если верить Моисею,
Скотоложница умрет!

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзил Амур,
О чувствительная сводня,
О краса молдавских дур.
Смотришь: каждая девица
Пред тобою с молодцом,
Ты ж одна, моя вдовица,
С указательным перстом.

Ты умна, велеречива,
Кишиневская Жанлис,
Ты бела, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсис.
Не хочу судить я строго,
Но к тебе не льнет душа —
Так послушай, ради бога,
Будь глупа, да хороша.

(1821)

В академическом издании в первой строфе в стихе «Подогнув под жопу ноги» вместо слова «жопа» - отточие; во второй строфе в стихе «Маврогений толстожопый» вместо слова «толстожопый» - отточие.

Будучи в ссылке в Кишиневе, Пушкин дал волю своему ганибальскому темпераменту. Стычки с молдавскими дворянами и помещиками, дуэли с карточными игроками, любовные приключения одно скандальнее другого следовали непрерывно, и его начальник, генерал Инзов, благосклонно и с уважением относившийся к поэту, и старавшийся оберегать его от неприятностей, не успевал сетовать: «Свернут тебе голову, Александр Сергеевич!». Сатирические куплеты на кишиневских дам.

ВЯЗЕМСКОМУ

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском колких слов, и шутками богатый,
Счастливый Вяземский, завидую тебе.
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой.

(1821)

В черновиках незаконченного Пушкиным стихотворения среди прочих стихов имеется:

И шутку не могу придумать я другую,
Как только отослать Толстого к хую.

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом
И не видался я
Давно с моим Орестом.
Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиранный Иоанн,
За то, что яский пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою —
И трус и грубиян —
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул
Я новою тревогой, —
К моей канурке строгой
Приставил караул.

.....¹

Невинной суеты,
А именно — мараю
Небрежные черты,

Пишу карикатуры, —
Знакомых столько лиц, —
Восточные фигуры
Ебливых кукониц
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!

(1822)

¹ Здесь не хватает четырех — пяти стихов.

В академическом издании вместо слова «ебливых» — отточие.

Необработанный набросок..

Орест — здесь в значении «друг». *Смиранный Иоанн* — генерал И.Н. Инзов, начальник Пушкина, сменивший Бахметьева в роли наместника Бессарабской области. *Ясский пан* — Тодор Балш, которого поколотил Пушкин, за что был посажен под арест. *Куконица* — жена кукона, т.е. молдавского «боярина».

Стихи были написаны Пушкиным, когда после очередной выходки — он побил молдаванина — поэт был посажен под домашний арест. Генерал Инзов благоволил «коллежскому секретарю» и всячески старался притушить подогретые жарким южным солнцем вспышки неукротимого бешеного ганибальского темперамента, то отправляя Пушкина в командировки, то сажая его под домашний арест.

ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных дворов
Небесный гром конечно грянет,
И — не найду твоих следов!
Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея,
И лавки грязные жидов:
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом.
Но с этим милым городком
Я Кишинев ровнять не смею,
Я слишком с библией знаком,
И к лести вовсе не привычен.
Содом, ты знаешь, быт отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
И красотой нестрогих дев!
Как жаль, что ранними громами
Его сразил Еговы гнев!
В блистательном разврате света,

Хранимый богом человек
И член верховного совета,
Провел бы я смиренно век
В Париже ветхого завета!
Но в Кишиневе, знаешь сам,
Нельзя найти ни милых дам,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалею о твоей судьбе!
Не знаю, придут ли к тебе
Под вечер милых три красавца;
Однако ж кое-как, мой друг,
Лишь только будет мне досуг,
Явлюся я перед тобою;
Тебе служить я буду рад —
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель — пощади мой зад!

(1823)

Ответ Пушкина на приглашение Ф.Ф. Вигеля приехать в Кишинев. *Филипп Филиппович Вигель* был гомосексуалистом, и эта его порочная страсть была предметом насмешек и подтруниваний Пушкина.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошёл! ебёна мать!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшной
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремя едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

(1823)

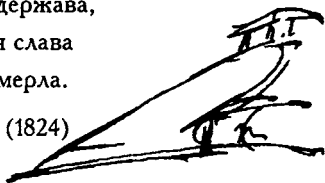
В академическом издании вторая строфа последний стих вместо «ебёна мать» — отточие.

Существуют разные редакции этого стиха: «Кричим: пошёл! ебёна мать!» и «Кричим: валяй, ебёна мать!».

«Посылая кн. П.А. Вяземскому стихотворение «Телега жизни» со строкой: «Кричим: валяй, ебёна мать», Пушкин прибавлял: «Можно напечатать, пропустив русский титул» (М.А. Цявловский).

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
Все роды славы: дым войны
И дым парнасского кадила.
Мы Прагой ей одолжены,
И просвещеньем, и Тавридой,
И посрамлением Луны,
И мы ... прозвать должны
Ее Минервой, Аонидой.
В аллеях Сарского села
Она с Державиным, с Орловым
Беседы мудрые вела —
С Делинцем — иногда с Барковым.
Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
С тех пор мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удушенная слава
С Екатериной умерла.

(1824)

Черновой набросок о Екатерине II.

К САБУРОВУ

Сабуров, ты оклеветал
Мои гусарские затеи,
Как я с Кавериным гулял,
Бранил Россию с Молоствовым,
С моим Чадаевым читал,
Как, все заботы отклоня,
Провел меж ими год я круглый,
Но Зубов не прельстил меня
Своею задницею смуглой.

(1824)

В академическом издании вместо слова «задницею» — отточие.

Сабуров Я. И. — лейб-гусар, с которым Пушкин познакомился еще в Лицее.

Твое соседство нам опасно,
Хоть мило, может быть, оно —
Так утверждаю не напрасно
И доказать не мудрено.
Твой дом, учтивая беседа
И шуткипополам
Напоминают живо нам
И впрям Опасного соседа.

(1825)

Черновой набросок. «Опасный сосед» — фривольная поэма В.Л. Пушкина, дяди поэта.

В черновике стихотворения имеется: «спесивая пизда».

Веселого пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И мать его ети.

(20-е числа апреля 1825г.)

В академическом издании вместо «мать его ети» — отточие.

Это пожелание Блудову Пушкин послал в своем письме к Жуковскому.

Брови царь нахмуря,
Говорил: «Вчера
Повалила буря
Памятник Петра».
Тот перепугался.
«Я не знал!... Ужель?» —
Царь расхохотался.
«Первый, брат, апрель!»

Говорил он с горем
Фрейлинам дворца:
«Вешают за морем
За два яйца.
То есть разумею, —
Вдруг примолвил он, —
Вешают за шею,
Но жесток закон».

(Октябрь—ноябрь 1825)

В академическом издании вместо строчки «За два яйца»
— отточие.

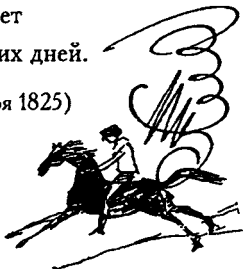
ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю — сижу орлом
И болен праздностью поносной.

Бумаги берегу запас,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас,
И только за большой нуждой.

Но твой затейливый навоз
Приятно мне щекочет нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей,
И дух мой снова позоывает
Ко испражнению прежних дней.

(Около 7 ноября 1825)

В притче (басне) «Два голубя» Д.И. Хвостова имеется стих: «Кой-как разгрыз зубами узелки». Эта басня часто подвергалась осмеянию, как и другие творения Хвостова.

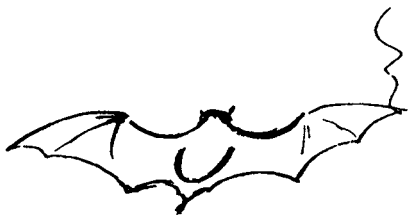
АННЕ Н. ВУЛЬФ

Увы! напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезами только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет.
Она на щепочку насыт,
А мне понюхать не позволит.

(1825)

По свидетельству А.П. Керн, это стихотворение было написано Пушкиным в альбом А. Вульф, причем Пушкин «два последние стиха означил точками». Так печатается это стихотворение и в академическом издании. Однако в устной передаче А. Керн сохранились и две последние нескромные строчки.

Сводня грустно за столом
Карты разлагает.
Смотрят барышни кругом,
Сводня им гадает:
«Три девятки, туз червей
И король бубновый —
Спор, досада от речей
И притом обновы...

А по картам — ждать гостей
Надобно сегодня».
Вдруг стучатся у дверей;
Барышни и сводня
Встали, отодвинув стол,
Все толкнули щелку
Шепчут: «Катя, кто пришел?
Посмотри хоть в щелку».

Что? Хороший человек...

Сводня с ним знакома,

Он с блядами целый век,

Он у них как дома.

В кухню барышни бегом

Кинулись прыжками,

Над лоханками кругом

Прыскаться духами.

Гостя сводня между тем

Ласково встречает,

Просит лечь его совсем.

Он же вопрошает:

«Что, как торг идет у вас?»

Барышней довольной?»

Сводня за щеку взялась

И вздохнула больно:

«Хоть бывало худо мне,

Но такого горя

Не видала и во сне,

Хоть бежать за море.

Верите ль, с Петрова дня

Ровно до субботы

Все девицы у меня

Были без работы.

Четверых гостей, гляжу,
Бог мне посылает.
Я девиц им вывожу,
Каждый выбирает.
Занимаются всю ночь,
Кончили, и что же?
Не платя, пошли все прочь,
Господи мой боже!»

Гость ей: «Право, мне вас жаль.
Здравствуй, друг Анета,
Что за шляпка! что за шаль,
Подойди, Жанета.
А, Луиза, — поцелуй,
Выбрать, так обидишь;
Так на всех и встанет хуй,
Только вас увидишь».

«Что же, — сводня говорит, —
Хочете ль Жанету?
В деле так у ней горит.
Иль возьмете эту?»
Сводне бедной гость в ответ:
«Нет, не беспокойтесь,
Мне охоты что-то нет,
Девушки, не бойтесь».

Он ушел — всё стихло вдруг,
Сводня приуныла,
Дремлют девушки вокруг,
Свечка.....
Сводня карты вновь берет,
Молча вновь гадает,
Но никто, никто нейдет —
Сводня засыпает.

(1827)

В академическом издании вместо слов: «целку» во 2-й строфе, «блядьми» в 3-й строфе, «встанет хуй» в 7-й строфе, — отточия.

В оригинале стихотворения зачеркнуты стих «В кухню барышни поссать» и отдельное слово «сцать», не нашедшие применения.

РЕФУТАЦИЯ г-на БЕРАНЖЕРА

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
Мусье француз, говённый капитан,
Как помнятся у нас в простонародье
Над нехристом победы россиян?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ебёна твоя мать?

Ты помнишь ли, как за горы Суворов
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодееров,
И вас давил на ноготке, как блох?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ебёна твоя мать?

Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы многих жопу,
Да и твою, говённый капитан!
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ебёна твоя мать?

Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ебёна твоя мать?

Ты помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты, наш мороз среди родных снегов
И батарей задорный подогревец,
Солдатский штык и петлю казаков?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ебёна твоя мать?

Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп
Морочил вас, к винцу подсев поближе,
И ваших жен похваливал да ёб?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать,
Но встарь мы вас наказывали строго.
Ты помнишь ли, скажи, ебёна твоя мать?

(1827)

Рефутация — опровержение. Стихи направлены против бонапартистской песни, приписываемой Беранже.

В академическом издании вместо слов: «говённый» в 1-й и 3-й строках; «жопы» в 3-й строфе, «ёб» в последней строфе; «ебёна твоя мать» в рефрене, повторяющемся последнем стихе каждой строфы, — отточия.

НА КАРТИНКИ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ» В «НЕВСКОМ АЛЬМАНАХЕ»

1

Вот перешед через мост Кокушкин,
Опершись жопой о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосьё Онегиным стоит.
Не достаивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

2

Пупок чернеет сквозь рубашку,
Наружу титька — милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит:
Она затем поутру встала
При бледных месяца лучах
И на подтирку изорвала
Конечно «Невский Альманах».

(1829)

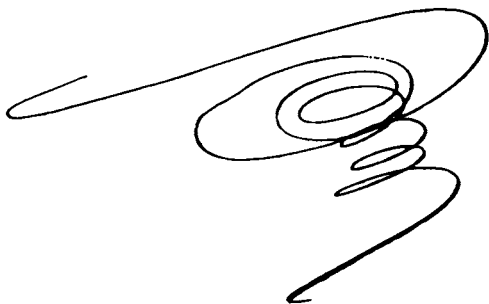
В академическом издании отточиями заменены: первая строфа второй стих слово «жопой»; вторая строфа второй стих слово «титька» и седьмой стих слово «подтирку».

В «Невском альманахе» за 1829 год было помещено шесть гравюр к «Евгению Онегину». По рассказу М.И. Пушкина, Пушкин на Кавказских минеральных водах осенью 1829 года записал стихи к этим гравюрам ему в экземпляре «Невского альманаха». По другому рассказу, Пушкин послал эти стихи Аладьину, издателю «Невского альманаха».

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

Любезный Вяземский, поэт и камергер...
(Василья Львовича узнал ли ты манер?)
Так некогда письмо он начал к камергеру,
Украшенну ключом за верность и за веру)
Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!
На заднице твоей сияет тот же ключ.
Ура! хвала и честь поэту-камергеру.
Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

(1831)

Начало письма к Вяземскому от 14 августа 1831 года по случаю получения последним звания камергера. Знак камергерского звания — ключ — носили сзади на придворном мундире.

I

И дале мы пошли — и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченое корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»

Виргилий мне: «Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имел всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете».
Тут грешник жареный протяжно возопил:
«О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент невероятный!» —
Тут звучно пёрнул он — я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный;
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо,
Но мудрый вождь тащил меня всё дале, дале
И, камень приподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз — и я узрел себя в подвале.

II

Тогда я демонов увидел черный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной —
И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалась вершиной
Гора стеклянная, как Арарат остра —
И разлегалась над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугун ядра,
Пустили вниз его смердящими когтями;
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

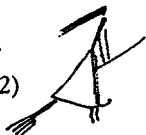
Звеня, растрескалась колючими звездами.
Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под руки жену с ее сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком —
И обе сидючи пустились вниз стрелой....

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком:
Стекло их резало, впивалось в тело им —
А бесы прыгали в веселии великом.

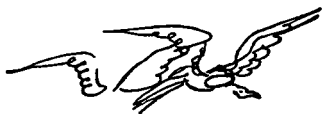
Я издали глядел — смущением томим.

(1832)

Шутливое подражание эпизодам из «Ада» Данте.
В академическом издании пятая строфа третий стих печатается в следующей редакции: «Тут звучно лопнул он — я взоры потупил».

«Из рукописи видно, что стих «Тут звучно пёрнул он — я взоры потупил» представляет собой окончательную редакцию, а редакция «Тут звучно лопнул он — я взоры потупил», приписанная на полях, является вынужденной цензурными соображениями» (М.А. Цявловский).

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что жопа есть.

(1835)

В академическом издании последний стих напечатан в следующей редакции: «Потому что есть чем сесть».

Эпиграмма на вице-президента Академии наук, председателя цензурного комитета князя М.А. Дондукова-Корсакова, который, как полагали, был обязан своим высоким местом покровительству С.С. Уварова. Стихотворение намекает на тайную позорную страсть, порок, связывающий Уварова и Дондукова-Корсакова. Благодаря эпиграмме имя «Дундук» стало нарицательным, а Пушкин нажил себе непримиримых могущественных врагов.

К кастрату раз пришел скрипач,
Он был бедняк, а тот богач.
«Смотри, — сказал певец безмудый, —
Мои алмазы, изумруды —
Я их от скуки разбирал.
А! кстати, брат — он продолжал, —
Когда тебе бывает скучно,
Ты что творишь, сказать прошу».
В ответ бедняга равнодушно:
— Я? я муде себе чешу.

(1835)

В академическом издании вместо слова «безмудый» в третьем стихе и слова «муде» в последнем стихе — точки.

Слово «кастрат» в Пушкинское время означало вполне определенного певца. Кастраты не певцы именовались обычно скопцами. Голос кастратов — высокий альтовый тенор особого тембра — чрезвычайно ценился. Кастраты как певцы упоминаются, например, в стихотворениях Гейне, Ал. Толстого. Богатство кастратов объясняется высокой оплатой их голосов.

ТЕНЬ БАРКОВА

* баллада *

P. M.

ТЕНЬ БАРКОВА

Баллада

<1>

Однажды зимним вечерком
В бордели на Мещанской
Сошлись с расстриженным попом
Поэт, корнет уланский,
Московский модный молодец,
Подьячий из Сената
Да третьей гильдии купец,
Да пьяных два солдата.
Всяк, пуншу осушив бокал,
Лег с блядью молодою
И на постели откатал
Горячею елдою.

<2>

Кто всех зазорнее ебет?
Чей хуй средь битвы рьяной
Пизду кудрявую дерет,
Горя как столб багряный?
О землемер и пизд и жоп,
Блядун трудолюбивый,
Хвала тебе, расстрига поп,
Приапа жрец ретивый.
В четвертый раз ты плешь впустил
И снова щель раздвинул,
В четвертый принял, вколотил
И хуй повисший вынул!

<3>

Повис! вотще своей рукой
Ему милашка дробит
И плешь сжимает пятерней,
И волосы клокочет;
Вотще! Под бешеным попом
Лежит она, тоскует
И ездит по брюху верхом,
И в ус его целует.
Вотще! едак лишился сил;
Как воин в тяжкой брани,
Он пал, главу свою склонил
И плачет в нежной длани.

<4>

Как иногда поэт Хвостов,
Обиженный природой,
Во тьме полуночных часов
Корпит над хладной одой;
Пред ним несчастное дитя —
И вкривь, и вкось, и прямо
Он слово звучное, кряхтя,
Ломает в стих упрямо, —
Так блядь трудилась над попом,
Но не было успеха,
Не становился хуй столбом
Как будто бы для смеха.

<5>

Зарделись щеки, бледный лоб;
Стыдом воспламенился;
Готов с постели прыгнуть поп,
Но вдруг остановился.
Он видит — в ветхом сюртуке,
С спущенными штанами,
С хуиной толстою в руке,
С отвисшими мудами
Явилась тень — идет к нему
Дрожащими стопами,
Сияя сквозь ночную тьму
Огнистыми очами.

<6>

«Что сделалось с детиной тут?»
Вещало привиденье.
— «Лишился пылости я муд,
Елдак в изнеможеньи,
Лихой предатель изменил,
Не хочет хуй яриться».
«Почто ж, ебёна мать, забыл
Ты мне в беде молиться?»
— «Но кто ты?» вскрикнул Ебаков,
Вздогнув от удивленья.
«Твой друг, твой гений я — Барков!»
Сказало привиденье.

<7>

И страхом пораженный поп
Не мог сказать ни слова,
Свалился на пол будто сноп
К портицам он Баркова.
«Восстань, любезный Ебаков,
Восстань, повелеваю,
Всю ярость праведных хуёв
Тебе я возвращаю.
Поди, еби милашку вновь!».
О чудо! Хуй ядреный
Встает, краснеет плешь как кровь,
Торчит как кол вонзенный.

<8>

«Ты видишь, продолжал Барков,
Я вмиг тебя избавил,
Но слушай: изо всех певцов
Никто меня не славил.
Никто! Так мать же их в пизду,
Хвалы мне их не нужны,
Лишь от тебя услуги жду —
Пиши в часы досужны!
Возьми задорный мой гудок,
Играй как ни попало!
Вот звонки струны, вот смычок,
Ума в тебе не мало.

<9>

Не пой лишь так, как пел Бобров,
 Ни Шелехова тоном.
Шихматов, Палицын, Хвостов
 Прокляты Аполлоном.
И что за нужда подражать
 Бессмысленным поэтам?
Последуй ты, ебёна мать,
 Моим благим советам,
И будешь из певцов певец,
 Клянусь я в том елдою —
Ни чорт, ни девка, ни чернец
 Не вздремлют над тобою».

<10>

— «Барков! доволен будешь мной!» —
 Провозгласил детина,
И вмиг исчез призрак ночной,
 И мягкая перина
Под милой жопой красоты
 Не раз попом измялась,
И блядь во блеске наготы
 Насилу с ним рассталась.
Но вот яснее свет дневной,
 И будто плешь Баркова,
Явилось солнце за горой
 Средь неба голубого.

<11>

И стал поэтом Ебаков;
Ебёт да припевает,
Гласит везде: «Велик Барков!».
Попа сам Феб венчает;
Пером владеет как едой,
Певцов он всех славнее;
В трактирах, кабаках герой,
На бирже всех сильнее.
И стал ходить из края в край
С гудком, смычком, мудами,
И на Руси воззвал он рай
Бумагой и пиздами.

<12>

И там, где вывеской елдак
На низкой ветхой кровле,
И там, где только спит монах,
И в скопищах торговли,
Везде затейливый пиит
Поет свои куплеты
И всякий божий день твердит
Баркова он советы.
И бабы и хуинный пол
Дрожа ему внимали,
И даже перед ним подол
Девчонки подымали.

<13>

И стал расстрига-богатырь
 Как в масле сыр кататься.
Однажды в женский монастырь,
 Как начало смеркаться,
Приходит тайно Ебаков
 И звонкими струнами
Воспел победу едаков
 Над юными пиздами.
У стариц нежный секелек
 Зардел и зашатался,
Как вдруг ворота на замок,
 И пленный поп остался.

<14>

Вот в келью девы повели
 Поэта Ебакова.
Кровать там мягкая в пыли
 Является дубова.
И поп в постелю нагишом
 Ложится поневоле,
И вот игуменья с попом
 В обширном ебли поле.
Отвисли титьки до пупа,
 А щель идет вдоль брюха,
Тиран для бедного попа
 Проклятая старуха!

<15>

Честную мать откатал
Пришлец благочестивый,
И в думе страждущий сказал
Он с робостью стыдливой:
— «Какую плату восприму?».
«А вот, мой сын, какую:
Послушай, скоро твоему
Не будет силы хую!
Тогда ты будешь каплуном,
А мы прелюбодея
Закинем в нужник вечерком
Как жертву Асмодея».

<16>

О ужас! бедный мой певец,
Что станется с тобою?
Уж близок дней твоих конец,
Уж ножик над едлою!
Напрасно еть усердно мнишь
Девуцу престарелу,
Ты блядь усердьем не смягчишь
Под хуем поседелу.
Кляни забины отца
И матерну прореху.
Восплачьте, нежные сердца,
Здесь дело не до смеху!

<17>

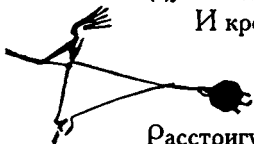
Проходит день, за ним другой,
Неделя протекает,
А поп в обители святой
Под стражей пребывает.
О вид, угодный небесам!
Игуменью честную
Ебёт по целым он часам
В пизду ее кривую,
Ебёт... но пламенный едак
Слабеет боле, боле,
Он вянет как весенний злак,
Скошенный в чистом поле.

<18>

Увы, настал ужасный день.
Уж утро пробудилось,
И солнце в сумрачную тень
Лучами водрузилось,
Но хуй детинин не встает.
Несчастный устрашился,
Вотще муде свои трясет,
Напрасно лишь трудился:
Надулся хуй, растет, растет,
Вздывается лениво...
Он снова пал и не встает,
Смутился горделиво.

<19>

Ах, вот скрипя шатнулась дверь.
Игуменья подходит,
Гласит: «Еще пизду измерь»
И взорами поводит,
И в руки хуй... но он лежит,
Лежит и не ярится,
Она щекочет, но он спит,
Дыбом не становится...
«Добро», игуменья рекла
И вмиг из глаз сокрылась.
Душа в детине замерла,
И кровь остановилась.

<20>

Расстригу мучила печаль,
И сердце сильно билось,
Но время быстро мчалось вдаль,
И темно становилось.
Уж ночь с ебливою луной
На небо наступала,
Уж блядь в постели пуховой
С монахом засыпала,
Купец уж лавку запирал,
Поэты лишь не спали
И, водкою налив бокал,
Баллады сочиняли.

<21>

И в келье тишина была.
Вдруг стены пошатнулись,
Упали святцы со стола,
Листы перевернулись,
И ветер холодный пробежал
Во тьме угрюмой ночи.
Баркова призрак вдруг предстал
Священнику пред очи:
В зеленом ветхом сюртуке,
С спущенными штанами,
С хуиной толстою в руке,
С отвисшими мудами.

<22>

— «Скажи, что дьявол повелел».
— «Надейся, не страшися».
— «Увы, что мне дано в удел?
Что делать мне?» — «Дрочися!»
И грешный стал муде трясти.
Тряс, тряс, и вдруг проворно
Стал хуй все вверх и вверх расти,
Торчит едак задорно.
И жарко плешь огнем горит,
Муде клубятся сжаты,
В могучих жилах кровь кипит,
И пышет керч мохнатый.

<23>

Вдруг начал щелкать ключ в замке,
Дверь громко отворилась,
И с острым ножиком в руке
Игуменя явилась.
Являют гнев черты лица,
Пылает взор собачий.
Но вдруг на грозного певца
И хуй попа стоячий
Она взглянула, пала в прах,
Со страху обосралась,
Трепещет бедная в слезах
И с духом тут рассталась.

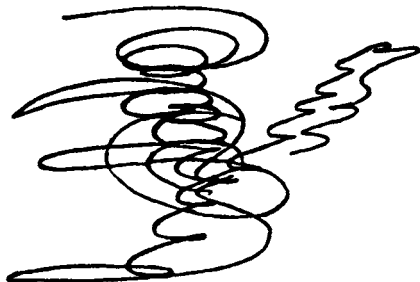

<24>

— «Ты днешь свободен, Ебаков!
Сказала тень расстриге.
Мой друг, успел найти Барков
Развязку сей интриге.
Поди! (отверзта дверь была),
Тебе не помешают,
Но знай, что добрые дела
Святые награждают.
Усердно ты воспел меня,
И вот за то награда!»
Сказал, исчез — и здесь, друзья,
Кончается баллада.

Баллада «Тень Баркова» была написана Пушкиным приблизительно около 1814 года как пародия на поэму «Громобой» Жуковского. В то время в лицее была широко распространена и популярна сатира дяди поэта В.Л. Пушкина «Опасный сосед», что побудило юного гения написать нецензурную балладу. Поэт читал ее своим лицейским товарищам, выдавая сначала за сочинение князя П.А.Вяземского, но после того, как поэма стала пользоваться большим успехом, признал свое авторство. Автографа баллады не сохранилось. Некоторое время вокруг вопроса об авторстве шла полемика: многие исследователи-пушкиноведы считали, что «Тень Баркова» написана Полежаевым или другим московским поэтом. Выдающийся пушкинист Мстислав Александрович Цявловский на основании текстологического анализа убедительно доказал, что авторство баллады принадлежит А.С. Пушкину, и реконструировал текст баллады по ее различным рукописным спискам.

ГАВРИИЛИАДА

* ПОЭМА *

Сысханов

ГАВРИИЛИАДА

Воистину еврейки молодой
Мне дорого душевное спасенье.
Приди ко мне, прелестный ангел мой,
И мирное прими благословенье.
Спасти хочу земную красоту!
Любозных уст улыбкою довольный,
Царю небес и господу-Христу
Пою стихи на лире богомольной.
Смиранных струн, быть может, наконец
Ее пленят церковные напевы,
И дух святой сойдет на сердце девы;
Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное смирение,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...
Зачем же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты право обманулась:
Я не тебя, — Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима,
Вдали забав и юных волокит
(Которых бес для гибели хранит),
Красавица, никем еще не зрима,
Без прихотей вела спокойный век.
Ее супруг, почтенный человек,
Седой старик, плохой столяр и плотник,
В селенье был единственный работник.
И день и ночь, имея много дел
То с уровнем, то с верною пилою,
То с топором, не много он смотрел
На прелести, которыми владел,
И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвести.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой,
Ее кормил — и больше ничего.

Но, братие, с небес во время оно
Всевышний бог склонил приветный взор
На стройный стан, на девственное лоно
Рабы своей — и, чувствуя задор,
Он положил в премудрости глубокой
Благословить достойный вертоград,

Сей вертоград, забытый, одинокий,
Щедрою таинственных наград.

Уже поля немая ночь объемлет;
В своем углу Мария сладко дремлет.
Всевышний рек, — и деве снится сон:
Пред нею вдруг открылся небосклон
Во глубине своей необозримой;
В сиянии и славе нестерпимой
Тьмы ангелов волнуются, кипят,
Бесчисленны летают серафимы,
Струнами арф бряцают херувимы,
Архангелы в безмолвии сидят,
Главы закрыв лазурными крылами,—
И, яркими одеян облаками,
Предвечного стоит пред ними трон.
И светел вдруг очам явился он...
Все пали ниц... Умолкнул арфы звон.
Склонив главу, едва Мария дышит,
Дрожит как лист и голос бога слышит:
«Краса земных любезных дочерей,
Израиля надежда молодая!
Зову тебя, любовь пылая,
Причастница ты славы будь моей:
Готовь себя к неведомой судьбине,
Жених грядет, грядет к своей рабыне».

Вновь облаком оделся божий трон;
Восстал духов крылатый легион,
И раздалась небесной арфы звуки...
Открыв уста, сложив умильно руки,
Лицу небес Мария предстоит.
Но что же так волнует и манит
Ее к себе внимательные взоры?
Кто сей в толпе придворных молодых
С нее очей не сводит голубых?
Пернатый шлем, роскошные уборы,
Сиянье крил и локонов золотых,
Высокий стан, взор томный и стыдливый —
Всё нравится Марии молчаливой.
Замечен он, один он сердцу мил!
Гордись, гордись, архангел Гавриил!
Пропало всё. — Не внемля детской пени,
На полотне так исчезают тени,
Рожденные в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре
И нежилась на ложе томной лени.
Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти ее не выходил.
Царя небес пленить она хотела,
Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, —

Но Гавриил казался ей милей...
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.
Что делать нам? судьба так приказала,—
Согласны в том невежда и педант.

Поговорим о странностях любви
(Другого я не смыслю разговора).
В те дни, когда от огненного взора
Мы чувствуем волнение в крови,
Когда тоска обманчивых желаний
Объемлет нас и душу тяготит,
И всюду нас преследует, томит
Предмет один и думы и страданий,—
Не правда ли? в толпе молодых друзей
Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей
Наречием восторгов переводим.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений
И к радости на ложе наслаждений
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего нам более желать,—
Чтоб оживить о ней воспоминанье,

С наперсником мы любим поболтать.
И ты, господь! познал ее волнение,
И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло всё творенье,
Наскучило небесное моление, —
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертие влачу...
Где крылья? К Марии полечу
И на груди красавицы почию!..»
И прочее... все, что придумать мог, —
Творец любил восточный, пестрый слог.
Потом, призвав любимца Гавриила,
Свою любовь он прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии архангела избрал,
Заметя в нем и ум и дарованье, —
И вечерком к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был счастлив;
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он самолюбив.

И славы сын, намеренье сокрыв,
Стал нехотя услужливый угодник
Царю небес... а по-земному сводник.

Но, старый враг, не дремлет сатана!
Услышал он, шатаясь в белом свете,
Что бог имел еврейку на примете,
Красавицу, которая должна
Спасти наш род от вечной муки ада.
Лукавому великая досада —
Хлопочет он. Всевышний между тем
На небесах сидел в унынье сладком,
Весь мир забыл, не правил он ничем —
И без него всё шло своим порядком.

Что ж делает Мария? Где она,
Иосифа печальная супруга?
В своем саду, печальных дум полна,
Проводит час невинного досуга
И снова ждет пленительного сна.
С ее души не сходит образ милый,
К архангелу летит душой унылой.
В прохладе пальм, под говором ручья
Задумалась красавица моя;
Не мило ей цветов благоуханье,

Не весело прозрачных вод журчанье...

И видит вдруг: прекрасная змия,

Приманчивой блистая чешуею,

В тени ветвей качается над нею

И говорит: «Любимица небес!

Не убегай, — я пленник твой послушный...»

Возможно ли? О, чудо из чудес!

Кто ж говорил Марии простодушной,

Кто ж это был? Увы, конечно, бес.

Краса змии, цветов разнообразь,

Ее привет, огонь лукавых глаз

Понравились Марии в тот же час.

Чтоб усладить младого сердца праздность,

На сатане покоя нежный взор,

С ним завела опасный разговор:

«Кто ты, змия? По льстивому напеву,

По красоте, по блеску, по глазам —

Я узнаю того, кто нашу Еву

Привлечь успел к таинственному древу

И там склонил несчастную к грехам.

Ты погубил неопытную деву,

А с нею весь адамов род и нас.

Мы в бездне бед невольно потонули.

Не стыдно ли?»
— Попы вас обманули,
И Еву я не погубил, а спас! —
«Спас! от кого?»
— От бога. —
«Враг опасный!»
— Он был влюблен...—
«Послушай, берегись!»
— Он к ней пылал —
«Молчи!»
— любовью страстной,
Она была в опасности ужасной.—
«Змия, ты лжешь!»
— Ей богу!—
«Не божись».
— Но выслушай...—

Подумала Мария:
Не хорошо в саду, наедине,
Украдкой внимать наветам змия,
И кстати ли поверить сатане?
Но царь небес меня хранит и любит,
Всевышний благ: он верно не погубит
Своей рабы,— за что ж? за разговор!
К тому же он не даст меня в обиду,

Да и змия скромна довольно с виду.
Какой тут грех? где зло? пустое, вздор!—
Подумала и ухо приклонила,
Забыв на час любовь и Гавриила,
Лукавый бес, надменно развернув
Гремучий хвост, согнув дугою шею,
С ветвей скользит — и падает пред нею;
Желаний огонь во грудь ее вдохнув,
Он говорит:

«С рассказом Моисея

Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, — историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!

Они должны, красавицы другие,
Завидовать огню твоих очей;
Ты рождена, о скромная Мария,
Чтоб изумлять адамовых детей,
Чтоб властвовать над легкими сердцами,
Улыбкою блаженство им дарить,

Сводить с ума двумя-тремя словами,
По прихоти — любить и не любить...
Вот жребий твой. Как ты — младая Ева
В своем саду скромна, умна, мила,
Но без любви в унынии цвела;
Всегда одни, глаз-на-глаз, муж и дева
На берегах Эдема светлых рек
В спокойствии вели невинный век.
Скучна была их дней однообразность.
Ни рощи сень, ни молодость, ни праздность —
Ничто любви не воскрешало в них;
Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днем, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей живых...
Что скажешь ты? Тиран несправедливый,
Еврейский бог, угрюмый и ревнивый,
Адамову подругу полюбя,
Ее хранил для самого себя...
Какая честь и что за наслажденье!
На небесах как будто в заточенье,
У ног его молися да молись,
Хвали его, красе его дивись,
Взглянуть не смей украдкой на другого,
С архангелом тихонько молвить слово;
Вот жребий той, которую творец

Себе возьмет в подруги наконец.
И что ж потом? За скуку, за мученье
Награда вся дьячков осиплых пенье,
Свечи, старух докучная мольба,
Да чад кадил, да образ под алмазом,
Написанный каким-то богомазом...
Как весело! Завидная судьба!

Мне стало жаль моей прелестной Евы;
Решился я, создателю назло,
Разрушить сон и юноши и девы.
Ты слышала, как всё произошло?
Два яблока, вися на ветке дивной
(Счастливым знак, любви символ призывный),
Открыли ей неясную мечту,
Проснулося неясное желанье;
Она свою познала красоту,
И негу чувств, и сердце трепетанье,
И юного супруга наготу!
Я видел их! любви— моей науки —
Прекрасное начало видел я.
В глухой лесок ушла чета моя...
Там быстро их блуждали взгляды, руки...
Меж милых ног супруги молодой,
Заботливый, неловкий и немой,

Адам искал восторгов упоенья,
Неистовым исполненный огнем,
Он вопрошал источник наслажденья
И, закипев душой, терялся в нем...
И, не страшась божественного гнева,
Вся в пламени, власы раскинув, Ева,
Едва, едва устами шевеля,
Лобзанием Адаму отвечала,
В слезах любви, в бесчувствии лежала
Под сенью пальм,— и юная земля
Любовников цветами покрывала.

Блаженный день! Увенчанный супруг
Жену ласкал с утра до темной ночи,
Во тьме ночной смыкал он редко очи,
Как их тогда украшен был досуг!
Ты знаешь: бог, утехи прерывая,
Чету мою лишил навеки рая.
Он их изгнал из милой стороны,
Где без трудов они так долго жили
И дни свои невинно проводили
В объятиях ленивой тишины.
Но им открыл я тайну сладострастья
И младости веселые права,
Томленье чувств, восторги, слезы счастья,
И поцелуй, и нежные слова.

Одной рукой цветочек ей подносит,
Другую мнет простое полотно
И крадется под ризы торопливо,
И легкий перст касается игриво
До милых тайн... Все для Марии диво,
Все кажется ей ново, мудрено, —
А между тем румянец нестыдливый
На девственных ланитах заиграл —
И томный жар и вздох нетерпеливый
Младую грудь Марии подымал.
Она молчит: но вдруг не стало мочи,
Закрылися блистательные очи,
К лукавому склонив на грудь главу,
Вскричала: ах!.. и пала на траву...

О милый друг! кому я посвятил
Мой первый сон надежды и желанья,
Красавица, которой был я мил,
Простишь ли мне мои воспоминанья?
Мои грехи, забавы юных дней,
Те вечера, когда в семье твоей,
При матери докучливой и строгой
Тебя томил я тайною тревогой
И просветил невинные красы?
Я научил послушливую руку
Обманывать печальную разлуку

И услаждать безмолвные часы,
Бессонницы девическую муку.
Но молодость утрачена твоя,
От бледных уст улыбка отлетела.
Твоя краса во цвете помертвела...
Простишь ли мне, о милая моя!

Отец греха, Марии враг лукавый,
Ты стал и был пред нею виноват;
Ах, и тебе приятен был разврат...
И ты успел преступною забавой
Всевышнего супругу просветить
И дерзостью невинность изумить.
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Спеши ловить... но близок, близок час!
Вот меркнет свет, заката луч угас.
Всё тихо. Вдруг над девой утомленной
Шумя парит архангел окриленный, —
Посол любви, блестящий сын небес.

От ужаса при виде Гавриила
Красавица лицо свое закрыла...
Пред ним восстав, смутился мрачный бес
И говорит: «Счастливее горделивый,
Кто звал тебя? Зачем оставил ты
Небесный двор, эфира высоты?»

Зачем мешать утехе молчаливой,
Занятиям чувствительной четы?»
Но Гавриил, нахмуря взгляд ревнивый,
Рек на вопрос и дерзкий и шуточный:
«Безумный враг небесной красоты,
Повеса злой, изгнанник безнадежный,
Ты соблазнил красу Марии нежной
И смеешь мне вопросы задавать!
Беги сейчас, бесстыдник, раб мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать!»
«Не трепетал от ваших я придворных,
Всевышнего прислужников покорных,
От сводников небесного царя!» —
Проклятый рек и, злобою горя,
Наморщив лоб, скосясь, кусая губы,
Архангела ударил прямо в зубы.
Раздался крик, шатнулся Гавриил
И левое колено преклонил;
Но вдруг восстал, исполнен новым жаром,
И сатану нечаянным ударом
Хватил в висок. Бес ахнул, побледнел —
И ворвались в объятия друг другу.
Ни Гавриил, ни бес не одолел:
Сплетенные, кружась идут по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,

Соединив крест-накрест ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотят увлечь друг друга за собой.

Не правда ли? вы помните то поле,
Друзья мои, где в прежни дни, весной,
Оставя класс, играли мы на воле
И тешились отважною борьбой.
Усталые, забыв и брань и речи,
Так ангелы боролись меж собой.
Подземный царь, буян широкоплечий,
Вотще кряхтел с увертливым врагом,
И, наконец, желая кончить разом,
С архангела пернатый сбил шелом,
Златой шелом, украшенный алмазом.
Схватив врага за мягкие волосы,
Он сзади гнет могучею рукою
К сырой земле. Мария пред собою
Архангела зрит юные красы
И за него в безмолвии трепещет.
Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет;
По счастью проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.

На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядела чуть дыша;
Когда же к ней, свой подвиг соверша,
Приветливо архангел обратился,
Огонь любви в лице ее разлился
И нежностью исполнилась душа.
Ах, как была еврейка хороша!..

Посол краснел и чувства чужие
Так изъяснял в божественных словах:
«О радуйся, невинная Мария!
Любовь с тобой, прекрасна ты в женах;
Стократ блажен твой плод благословенный,
Спасет он мир и ниспровергнет ад...
Но признаюсь душою откровенной,
Отец его блаженнее стократ!»
И перед ней коленопреклоненный
Он между тем ей нежно руку жал...
Потупя взор, прекрасная вздыхала,
И Гавриил ее поцеловал.
Смутясь, она краснела и молчала,
Ее груди дерзнул коснуться он...
«Оставь меня!» — Мария прошептала,
И в тот же миг лобзаньем заглушен
Невинности последний крик и стон...

Что делать ей? Что скажет бог ревнивый?
Не сетуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви.
Умеете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоков внимательные взоры
И на следы приятного греха
Невинности набрасывать уборы...
От матери проказливая дочь
Берет урок стыдливости покорной
И мнимых мук, и с робостью притворной
Играет роль в решительную ночь:
И поутру, оправясь понемногу,
Встает бледна, чуть ходит, так томна.
В восторге муж, мать шепчет: слава богу,
А старый друг стучится у окна.

Уж Гавриил с известием приятным
По небесам летит путем обратным.
Наперсника нетерпеливый бог
Приветствием встречает благодатным:
«Что нового?» — Я сделал всё, что мог,
Я ей открыл. — «Ну что ж она?» — Готова! —
И царь небес, не говоря ни слова,
С престола встал и манием бровей
Всех удалил, как древний бог Гомера,

Когда смирял бесчисленных детей;
Но Греции навек погасла вера,
Зевеса нет, мы сделались умней!

Упоена живым воспоминаньем,
В своем углу Мария в тишине
Покоилась на смятой простыне.
Душа горит и негой и желаньем,
Младую грудь волнует новый жар.
Она зовет тихонько Гавриила,
Его любви готовя тайный дар,
Ночной покров ногою отдала,
Довольный взор с улыбкою склонила,
И, счастлива в прелестной нагоде,
Сама своей дивится красоте.
Но между тем в задумчивости нежной
Она грешит, прелестна и томна,
И чашу пьет отрады безмятежной.
Смеешься ты, лукавый сатана!
И что же! вдруг мохнатый, белокрылый
В ее окно влетает голубь милый,
Над нею он порхает и кружит
И пробует веселые напевы,
И вдруг летит в колени милой девы,
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, копышется, вертится,

И носиком и ножками трудится.
Он, точно он! — Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав, еврейка закричала,
Вздохнуть, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует,
И падает, объятый легким сном,
Приосеня цветок любви крылом.

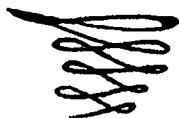
Он улетел. Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! — как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и богу».

Всевышний бог, как водится, потом
Признал своим еврейской девы сына,
Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не престававал являться ей тайком;
Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой по-прежнему безгрешен,
Христа любил как сына своего,
За то господь и наградил его!

Аминь, аминь! Чем кончу я рассказы?
Навек забыв старинные проказы,
Я пел тебя, крылатый Гавриил,
Смиранных струн тебе я посвятил
Усердное, спасительное пенье:
Храни меня, вземли мое моление!
Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожатель,
Друг демона, повеса и предатель...
Раскаянье мое благослови!
Приемлю я намеренья благие,
Переменюсь: Елену видел я;
Она мила, как нежная Мария!
Подвластна ей навек душа моя.
Моим речам придай очарованье,
Понравиться поведай тайну мне,
В ее душе зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатане!
Но дни бегут, и время сединою
Мою главу тишком посеребрит,
И важный брак с любезною женою
Пред алтарем меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоня,
О рогачей заступник и хранитель,

Молю — тогда благослови меня,
Даруй ты мне беспечность и смиренность,
Даруй ты мне терпенье вновь и вновь,
Спокойный сон, в супруге уверенность,
В семействе мир и к ближнему любовь!

(апрель 1821)

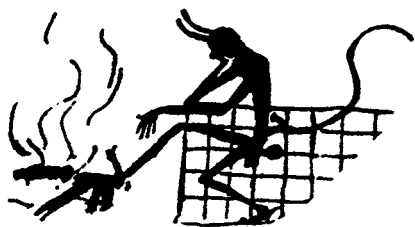
«Гавриилиада» — пародия на библейские сюжеты — была создана в апреле 1821 года. Автограф не дошел до нас. Сохранился лишь план некоторых эпизодов.

В силу содержания, в то время совершенно крамольного, богохульного и недопустимого, поэма, естественно, не могла быть напечатана, и сначала была известна только в узком кругу друзей Пушкина, но с лета 1822 года стала распространяться в списках. В 1828 году, после доноса, по распоряжению Николая I началось расследование. Пушкина многократно вызывали и допрашивали. Сначала он категорически отказывался от авторства, но позже написал письмо Николаю I (не сохранившееся), в котором,

по-видимому, признал себя автором поэмы, после чего по указанию Николая I следствие было прекращено.

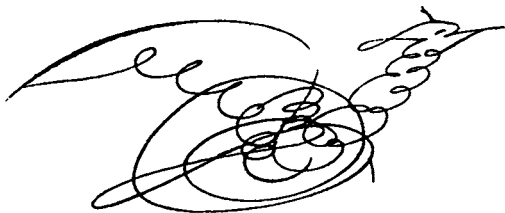
Однако шло время, поэт вырослел, его взгляды, его мировоззрение, его самоощущение менялись. Ранние произведения, лицейские стихи Пушкин оценивает уже как «грехи отрочества». М.В. Юзефович в своих воспоминаниях о Пушкине отмечает, что в 1829 году «во всех речах и поступках поэта не было уже и следа прежнего разнузданного повесы» и в доказательство вспоминает следующую историю: «Я помню как однажды один болтун, думая, конечно, ему угодить, напомнил ему об одной его библейской поэме («Гавриилиаде» — прим. М.А.Цвяловского) и стал было читать из нее отрывок. Пушкин вспыхнул, на лице его выразилась такая боль, что тот понял и замолчал. После Пушкин, коснувшись этой глупой выходки, говорил, как он дорого бы дал, чтобы взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости». Очевидно, что юношеские нигилизм и бретёрство, проявленные в ранних стихах, лежали мучительно-тяжелым камнем на душе поэта.

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ

сказка

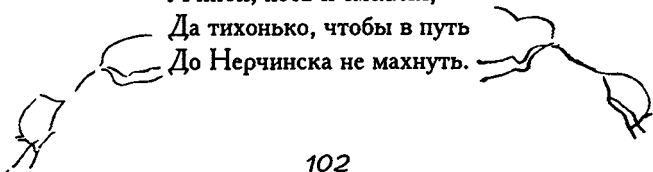

W. H. -

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела.
Царь трудился понемногу,
Кушал, пил, молился богу
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей,
Сорок девушек прелестных,
Сорок ангелов небесных,
Милых сердцем и душой.
Что за ножка — боже мой,
А головка, темный волос,
Чудо — глазки, чудо — голос,
Ум — с ума свести бы мог.
Словом, с головы до ног
Душу, сердце всё пленяло;
Одного недоставало.
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего.
Ничего иль очень мало,
Всё равно — недоставало.
Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной важной дуры,

Слишком чопорной цензуры?
Как быть?.. Помоги мне, бог!
У царевен между ног...
Нет, уж это слишком ясно
И для скромности опасно, —
Так иначе как-нибудь:
Я люблю в Венере грудь,
Губки, ножку особливо,
Но любовное огниво,
Цель желанья моего...
Что такое?.. Ничего!..
Ничего иль очень мало...
И того-то не бывало
У царевен молодых,
Шаловливых и живых.
Их чудесное рожденье
Привело в недоуменье
Все придворные сердца.
Грустно было для отца
И для матерей печальных.
А от бабок повивальных
Как узнал о том народ —
Всякий тут разинул рот,
Ахал, охал, дивовался,
А иной, хоть и смеялся,
Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть.

Царь созвал своих придворных,
Нянек, мамушек покорных —
Им держал такой приказ:
«Если кто-нибудь из вас
Дочерей греху научит,
Или мыслить их приучит,
Или только намекнет,
Что у них недостает,
Иль двусмысленное скажет,
Или кукиш им покажет, —
То — шутить я не привык —
Бабам вырежу язык,
А мужчинам нечто хуже,
Что порой бывает туже».
Царь был строг, но справедлив,
А приказ красноречив;
Всяк со страхом поклонился,
Остеречься всяк решился,
Ухо всяк держал остро
И хранил свое добро.
Жены бедные боялись,
Чтоб мужья не проболтались;
Втайне думали мужья:
«Провинись, жена моя!»
(Видно, сердцем были гневны).
Подросли мои царевны.
Жаль их стало. Царь — в совет;
Изложил там свой предмет:

Так и так — довольно ясно,
Тихо, шепотом, негласно,
Осторожнее от слуг.
Призадумались бояры,
Как лечить такой недуг.
Вот один советник старый
Поклонился всем — и вдруг
В лысый лоб рукою брякнул
И царю он так вавакнул:
«О, премудрый государь!
Не взыщи мою ты дерзость,
Если про плотскую мерзость
Расскажу, что было встарь.
Мне была знакома сводня
(Где она? и чем сегодня?
Верно тем же, чем была).
Баба ведьмою слыла,
Всем недугам пособляла,
Немощь членов исцеляла.
Вот ее бы разыскать;
Ведьма дело всё поправит:
А что надо — то и вставит».
— «Так за ней сейчас послать! —
Восклицает царь Никита,
Брови сдвинувши сердито:
— Тотчас ведьму отыскать!
Если ж нас она обманет,
Чего надо не достанет,

На бобах нас проведет,
Или с умыслом солжет, —
Будь не царь я, а бездельник,
Если в чистый понедельник
Сжечь колдунью не велю:
И тем небо умолю».

Вот секретно, осторожно,
По курьерской подорожной
И во все земли концы
Были посланы гонцы.
Они скачут, всюду рыщут
И царю колдунью ищут.
Год проходит и другой —
Нету вести никакой.
Наконец один ретивый
Вдруг напал на след счастливый.
Он заехал в темный лес
(Видно, вел его сам бес),
Видит он: в лесу избушка,
Ведьма в ней живет, старушка.
Как он был царев посол,
То к ней прямо и вошел,
Поклонился ведьме смело,
Изложил цареву дело:
Как царевны рождены
И чего все лишены.
Ведьма мигом все смекнула...

В дверь гонца она толкнула,
Так примолвив: «Уходи
Поскорей и без оглядки,
Не то — бойся лихорадки...
Через три дня приходи
За посылкой и ответом,
Только помни — чуть с рассветом».
После ведьма заперлась,
Уголочком запаслась,
Трое суток ворожила,
Так что беса приманила.
Чтоб отправить во дворец,
Сам принес он ей ларец,
Полный грешными вещами,
Обожаемыми нами.
Там их было всех сортов,
Всех размеров, всех цветов,
Всё отборные, с кудрями...
Ведьма все перебрала,
Сорок лучших оточла,
Их в салфетку завернула
И на ключ в ларец замкнула,
С ним отправила гонца,
Дав на путь серебреца.
Едет он. Заря зарделась...
Отдых сделать захотелось,
Захотелось закусить,
Жажду водкой утолить:

Он был малый аккуратный,
Всем запасся в путь обратный.
Вот коня он разнуздal
И покойно кушать стал.
Конь пасется. Он мечтает,
Как его царь вознесет,
Графом, князем назовет.
Что же ларчик заключает?
Что царю в нем ведьма шлет?
В щелку смотрит: нет, не видно —
Заперт плотно. Как обидно!
Любопытство страх берет
И всего его тревожит.
Ухо он к замку приложит —
Ничего не чует слух;
Нюхает — знакомый дух...
Тьфу ты пропасть! что за чудо?
Посмотреть ей-ей не худо.
И не вытерпел гонец...
Но лишь отпер он ларец,
Птички — порх и улетели,
И кругом на сучьях сели
И хвостами завертели.
Наш гонец давай их звать,
Сухарями их прельщать:
Крошки сыплет — всё напрасно
(Видно, кормятся не тем):
На сучках им петь прекрасно,

А в ларце сидеть зачем?
Вот тащится вдоль дороги,
Вся согнувшись дугой,
Баба старая с клюкой.
Наш гонец ей бухнул в ноги:
«Пропаду я с головой!
Помоги, будь мать родная!
Посмотри, беда какая:
Не могу их изловить!
Как же горю пособить?»
Вверх старуха посмотрела,
Плюнула и прошипела:
«Поступил ты хоть и скверно,
Но не плачься, не тужи...
Ты им только покажи —
Сами все слетят наверно».
«Ну, спасибо!» он сказал...
И лишь только показал —
Птички вмиг к нему слетели
И квартирой овладели.
Чтоб беды не знать другой,
Он без дальних отговорок
Тотчас их под ключ все сорок
И отправился домой.
Как княжны их получили,
Прямо в клетки посадили.
Царь на радости такой
Задал тотчас пир горой:

Семь дней сряду пировали,
Целый месяц отдыхали;
Царь совет весь наградил,
Да и ведьму не забыл:
Из кунсткамеры в подарок
Ей послал в спирту огарок
(Тот, который всех дивил),
Две ехидны, два скелета
Из того же кабинета...
Награжден был и гонец.
Вот и сказочки конец.

Многие меня поносят
И теперь, пожалуй, спросят:
Глупо так зачем шучу?
Что за дело им? Хочу.

Пушкинский автограф начала сказки сохранился в черновой тетради поэта. Остальной текст реконструирован по рукописным спискам.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ

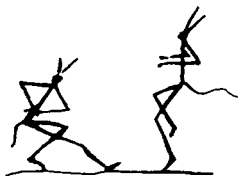
/АВТОРСТВО ПУШКИНА ПОД БОЛЬШИМ СОМНЕНИЕМ
И НЕ ДОКАЗАНО ДОПОДЛИННО, ПОТОМУ ЧТО
НЕ СОХРАНИЛОСЬ АВТОГРАФОВ ПОЭТА/

Некоторые произведения имеют статус «приписываемых Пушкину», так как их автографы не дошли до нас или же пока не обнаружены исследователями и архивистами. Автографов других стихотворений не было и вовсе, ибо иные свои экспромты поэт читал, но не записывал. Его слушатели воспроизводили их по памяти, а потом стихи переписывались любителями поэзии и распространялись в списках либо передавались изустно. Многие тексты, никакого отношения к поэту не имевшие, расходились под его именем, другие копировались со множеством искажений. Существуют и фальсификации. И вопросы атрибуции, принадлежности тех или иных сочинений или строк гению Пушкина, остаются предметом споров и исследований.

Нимало не претендуя на особые знания и не собираясь вступить в какие бы то ни было полемики по поводу истинной принадлежности того или иного произведения гению А.С. Пушкина, составитель приводит здесь некоторые из стихотворений, приписываемых поэту, оставляя вопрос об авторстве за рамками настоящего издания.

ВИГЕЛЮ

Для чего, скажи мне, Вигель,
Шьет тебе штанишки Бригель
С гульфом позади?
«Для того он шьет их с гульфом,
Что, когда я буду с Вульфом,
Быть мне впереди».

Гульф — у панталон передняя застежная лопасть, клапан.
Филипп Филиппович Вигель, добрый знакомый и приятель Пушкина, был гомосексуалистом. Бригель — модный портной, у которого одевался Александр Сергеевич.

ГРАФИНЕ ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ

Богopodobная жена
Душою Богу предана,
А грешною плотию
Архимандриту Фотию.

РАЗГОВОР ФОТИЯ С гр. ОРЛОВОЙ

«Внимай, что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой».
— Но что ж ты делаешь со мной?
«Я тело в душу превращаю».

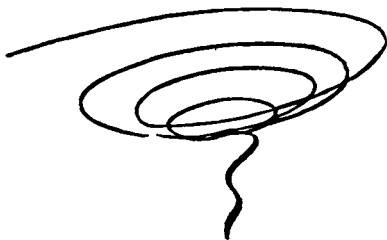
Гнекокс

Как счастливы библисты,
Их жопы вечно чисты;
Их лижут чернецы,
Священны подлецы!

Ещё ль наш архирей не свят?
Он там сидит, где все стоят,
Он в ризу бздит, ему кадят.

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

ФОНАРЬ

Друзья, не лучше ли на место фонаря,
Который темен, тускл, чуть светит в непогоды —
Повесить нам царя?
Тогда бы стал светить луч пламенный свободы.

КАНКРИНУ

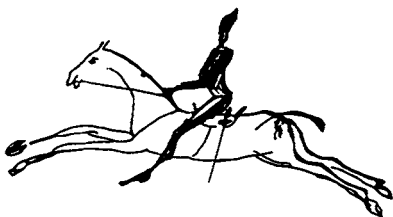
Канкрину Россия верит
И несет ему серебро;
Он, за русское добро,
Депозитками ей серит.

Написано по случаю осуществления министром финансов графом Канкриним денежной реформы.

ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ

Великий государь!
Ты наших бед виновник,
Хотя плохой ты царь,
Зато лихой полковник.

В стихотворении нет ничего неприличного, однако аллюзии и созвучия с днем сегодняшним любопытны.

НА К. ДЕМБРОВСКОГО

Когда смотрюсь я в зеркала,
То вижу, кажется, Эзопа,
Но стань Дембровский у стекла,
Так вдруг покажется там жопа.
(1819 – 1820)

В академическом издании вместо слова «жопа» — отточие.

Танцовщик кордебалета Кондратий Дембровский и Пушкин устроили меж собой поэтическую дуэль. Дембровский сочинил эпиграмму, в которой обыгрывалась некрасивая физиономия Пушкина, на что Александр Сергеевич ответил ему приведенными здесь стихами.

ВОЙЕЙКОВУ

Орликом и в колпаке
Чёрт сидит на стульчаке.
Раскорячившись безбожник
Очень схож был на треножник;
Распростался наконец, —
Чем? — Войейковым, срамец!

АГАФЬЕ

Ты просишь написать надгробную, Агафья?
Ляг, ноги протяни — я буду эпитафья.

Она тогда ко мне придет,
Когда весь мир уgomонится,
Когда всё доброе ложится
И всё недоброе встает.

Не верю чести игрока,
Любви к России поляка,
Не верю я французской дружбе,
И бескорыстью немца в службе.

Накажи, святой угодник,
Капитана Борозду,
Разлюбил он, греховодник,
Нашу матушку-пизду.

В академическом издании вместо последнего стиха — отточие.

Эпиграмма известна по спискам, однако приводится разными авторами, исследовавшими неопубликованные произведения поэта. Существует анекдот об истории её написания. Однажды Пушкин, ожидая аудиенции, случайно увидел на столе в приемной официальную бумагу с мнением митрополита Санкт-петербургского по делу капитана Борозды, разжалованного за мужеложство, и написал на ней сей экспромт.

Сожаленье не поможет,
Все ж мне жаль, что граф Хвостов
Удержать в себе не может
Ни урину, ни стихов.

(1819)

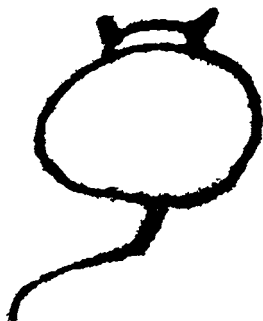

Сенатор граф Дмитрий Иванович Хвостов страдал болезненной неудержной страстью, манией к сочинению стихов, хотя не имел никакого к этому таланта. Все свое свободное время и силы он тратил на сочинение, издание, распространение плохоньких нескладных и зачастую просто курьезных вирш, которые писал по любому поводу в великом множестве. Он читал свои творения при всяком удобном и неудобном случае знакомым и совершенно незнакомым людям, не пропускал ни одного литературного собрания. К старости мания графа Хвостова усилилась, и он стал притчей во языцех.

На одном из литературных вечеров, когда граф Хвостов после чтения своих стихов вышел по малой нужде, Пушкин высказал сей экспромт.

ЭКСПРОМТ

Всё изменилось под нашим зодиаком:
Лев козерогом стал, а дева стала раком.

АНДРЕЮ МУРАВЬЕВУ

На диву нам и всей Европе
Ключ камергерский, золотой
Подвесили к распутной жопе
И без того всем отпертой.

Написано по случаю получения *Андреем Николаевичем Муравьевым* звания камергера в 1836 году.

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ

А.С. ПУШКИНА

В академическом собрании сочинений Александра Сергеевича Пушкина, принятом за базовое при создании настоящей книги, да и в других изданиях тексты писем поэта печатаются с купюрами — некоторые общеизвестные слова и выражения по цензурным соображениям заменены точками. Купюры делают труднопонятными смысл и интонацию речи поэта. Отчасти теряется законченность, очарование и прелесть пушкинской фразы. Хотя Александр Сергеевич отнюдь не культивировал непристойности, но и в устной речи, и в своих письмах он не брезговал неприличными выражениями. И в окружении Пушкина, в той среде, где он вращался, использование неприличных выражений было в порядке вещей. М.А. Цявловский пишет: «Из его (Пушкина — прим. сост.) окружения кн. П.А. Вяземский особенно был склонен к сальностям, которыми он уснащал не только свои письма к Пушкину, но и к своей жене. Большими циниками были С.А. Соболевский и брат поэта Л.С. Пушкин, неопубликованные письма которого к Соболевскому пестрят похабщиной. Циничная развязность Пушкина в письмах к этим лицам частью объясняется и тем, что поэт писал на их языке».

Ниже приведены без купюр фрагменты из писем А.С. Пушкина, в которых поэт использует неприличные слова и выражения.

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ ПУШКИНА

* * *

1.

к П.Б. Мансурову от 27 октября 1819 года:

... любезный Мансуров, чудо-черкес! Здоров ли ты, моя радость; весел ли ты, моя прелесть — помнишь ли нас, друзей твоих (мужеского полу)... Мы не забыли тебя и в 7 часов с 1/2 каждый день поминаем в театре рукоплесканиями, вздохами — и говорим: свет-то наш Павел! Что-то делает он теперь в великом Новгороде? завидует нам — и плачет о Крыловой (разумеется, нижним проходом). Каждое утро крылатая дева летит на репетицию мимо окон нашего Никиты, по-прежнему поднимаются на нее телескопы и хуи — но увы... ты не видишь её, она не видит тебя... Оставим элегию, мой друг. Исторически буду говорить тебе о наших. Всё идет по-прежнему; шампанское, слава богу, здорово — актрисы также — то пьётся, а те ебутся — аминь, аминь. Так и должно. У Юрьева хуерик, слава богу, здоров — у меня открывается маленький; и то хорошо... Tolstoy болен — не скажу чем — у меня и так уже много хуериков в моем письме...

* * *

2.

к кн. П.А.Вяземскому, около (не позднее)
21 апреля 1820 года

Я читал моему преображенскому приятелю — несколько строк тобою мне написанных в письме к Тургеневу, и поздравил его с счастливым испражнением пиров Гомеровых. Он отвечал, что говно твоё, а не его...

* * *

3.

к А.И. Тургеневу от 7 мая 1821 года:

... но сперва дайте знать минутным друзьям моей минутной младости, чтобы они прислали мне денег, чем они чрезвычайно обяжут *искателя новых впечатлений*. В нашей Бессарабии в впечатлениях недостатка нет. Здесь такая каша, что хуже овсяного киселя. Орлов женился; вы спросите, каким образом? — Не понимаю. Разве он ошибся плешью и проломал жену головою. Голова его тверда; душа прекрасная; но чёрт ли в них? Он женился; наденет халат и скажет:

Beatus qui procul...

* * *

4.

к Л.С.Пушкину от 4 сентября 1822 года:

... С нетерпением ожидаю успеха «Орлеанской Целки» ...

* * *

5.

к кн. П.А.Вяземскому от 6 февраля 1823 года:

Счастье супружеское

Дома сидя я без дела,

Буду нежно говорить:

Ах, мой друг! Как ты набздела!

Прикажите покурить.

вот модные стихи в Кишиневе — не мои — Полторацкого — в честь будущей моей женитьбы.

* * *

6.

к Ф.Ф. Вигелю. 22 октября — 4 ноября 1823 года:

... Ванька - блядун ...

... У нас холодно, грязно — обедаем славно — я пью, как Лот содомский, и жалею, что не имею с собой ни одной дочки. Недавно выдался нам молодой денек — я был президентом попойки — все перепились и потом поехали по борделям.

* * *

7.

в черновике письма к кн. П.А. Вяземскому от 4 ноября 1823 года:

... а ты покровительствуешь старому вралю и набаешься нами...

* * *

8.

к кн. П.А. Вяземскому от 1 — 8 декабря 1823 года:

... Язвительные лобзания напоминают тебе твои хуэрики? Поставь пронзительных. Это будет ново...

* * *

9.

к Л.С. Пушкину, январь (после 12) — начало февраля 1824 года

... Душа моя, меня тошнит с досады — на что ни взгляну, всё такая гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть? Кстати о гадости — читал я «Федру» Лобанова — хотел писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось из рук. И об этом у вас шумят, и это называют ваши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Расина!..

... мать его в рифму! вот как всё переведено.

... План и характеры «Федры» верх глупости и ничтожества в изобретении — Тезей не что иное, как первый Мольеров рогащ; ... Иполит, суровый Скифский выблядок, — не что иное, как благовоспитанный мальчик, учтивый и почтительный...

* * *

10.

к кн. П.А.Вяземскому, начало апреля 1824 года:

... Ты прав в отношении романтической поэзии. Но старая блядь классическая, на которую ты нападаешь, полно существует ли у нас? это еще вопрос.

... Теперь поговорим о деле, т.е. о деньгах. Слёнин предлагает мне за «Онегина», сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов. Дело стало за цензурой, а я не шучу, потому что дело идет о будущей судьбе моей, о независимости — мне необходимой. Чтоб напечатать Онегина я в состоянии - - - т.е. или рыбку съесть, или на хуй сесть. Дамы принимают эту половицу в обратном смысле. Как бы то ни было, готов хоть в петлю...

* * *

11.

к кн. П.А. Вяземскому от 7 июня 1824 года:

...— что для издателя хоть «Вестника Европы», не надобен тут ум, потребна только жопа...

* * *

12.

к кн. П.А.Вяземскому, 24–25 июня 1824 года:

...Давно девиз всякого русского есть *чем хуже, тем лучше*. Оппозиция русская, составившаяся, благодаря русского бога, из наших писателей, каких бы то ни было, приходила уже в какое-то нетерпение, которое я исподтишка поддразнивал, ожидая чего-нибудь. А теперь, как позволят Фите Глинке говорить своей любовнице, что она божественна, что у ней очи небесные и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять уgomонится, журналы пойдут врать своим чередом, чины своим чередом, Русь своим чередом — вот как Шишков сделает всю обедню говном...

* * *

13.

к кн. П.А. Вяземскому 8 или 10 октября 1824 года:

... Кстати о стихах: сегодня кончил я поэму «Цыгане». Не знаю, что об ней сказать. Она покамест мне опротивела, только что кончила и не успел обмыть за-превшие муде...

* * *

14.

к А.Г.Родзянке от 8 декабря 1824 года:

... Кстати: Баратынский написал поэму (не прогневайся — про Чухонку), и эта чухонка говорят чудо как мила. — А я про Цыганку; каков? подавай же нам скорей свою Чупку — ай да Парнас! ай да героини! ай да честная компания! Воображаю, Аполлон, смотря на них, закричит: зачем ведете мне не ту? А какую ж тебе надобно, проклятый Феб? гречанку? итальянку? чем их хуже чухонка или цыганка. Пизда одна — еби! т.е. оживи лучом вдохновения и славы...

* * *

15.

к Л.С.Пушкину около (не позднее) 20 декабря 1824 года:

... Христом и богом прошу скорее вытащить «Онегина» из-под цензуры — слава ёб её мать, — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи — режь, рви, кромсай хоть все 54 строфы, но денег, ради бога, денег!..

* * *

16.

к А.А. Бестужеву, конец января 1825 года:

... не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб превосходны. Софья начертана не ясно: не то блядь, не то московская кузина...

* * *

17.

к Л.С. Пушкину, конец февраля 1825 года:

... Здесь письмо к издателю или пиздателю Невского альманаха. Прочитай его да доставь. Он, каналья, лжёт на меня в афишках да мне присылает свое враньё ...

* * *

18.

к Л.С. Пушкину от 27 марта 1825 года:

... Получил ли ты мои стихотворенья? Вот в чем должно состоять предисловие: Многие из сих стихотворений — дрянь и недостойны внимания российской публики — но как они часто бывали печатаны бог весть кем, чёрт знает под какими заглавиями, с поправками наборщика и с ошибками издателя — так вот они, извольте-с кушать-с, хоть это-с говно-с (сказать это помягче)...

* * *

19.

к кн. П.А. Вяземскому от 10 августа 1825 года:

... Какова наша текущая словесность? настоящий хуерик!..

* * *

20.

к кн. П.А. Вяземскому около 7 ноября 1825 года:

... Благодарствую, душа моя, и целую тебя в твою поэтическую жопку — с тех пор, как я в Михайловском, я только два раза хохотал; при разборе новой пиитики басен и при посвящении говну говна твоего.

... Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын! Юродивый мой малый презабавный; на Марину у тебя встанет — ибо она полька, и собою преизрядна (вроде Катерины Орловой, сказывал это я тебе?). Прочие также очень милы; кроме капитана Маржерета, который всё по-матерну бранится; цензура его не пропустит...

* * *

21.

к кн. П.А.Вяземскому, вторая половина ноября 1825 года:

... Мочи нет сердит: не выспался и не высрался...

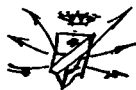
* * *

22.

к В.К Кюхельбекеру от 1 – 6 декабря 1825 года:

Прежде чем поблагодарю тебя, хочу с тобою побраниться. Получив твою комедию, я надеялся найти в ней и письмо. Я трес, трес ее и ждал, не выпадет ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно: ничего не выдрочил ...

* * *

23.

к кн. П.А.Вяземскому, вторая половина
(не позднее 24) мая 1826 года:

... Правда ли, что Баратынский женится? боюсь за его ум. Законная пизда — род теплой шапки с ушами. Голова вся в неё уходит. Ты, может быть, исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет еще 10 был холостой. Брак холостит душу. Прощай и пиши.

* * *

24.

к кн. П.А. Вяземскому от 27 мая 1826 года:

... Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и бордели — то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне «Онегина» я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно — услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай да умница...

* * *

Pushkin

25.

к кн. П.А. Вяземскому от 9 ноября 1826 года:

... Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но всё-таки лучше с вами видеться, чем переписываться. К тому же журнал... Я ничего не говорил тебе о твоём решительном намерении соединиться с Полевым, а ей-богу — грустно. Итак, никогда порядочные литераторы у нас вместе ничего не произведут! всё в одиночку...

... Впрочем, ничего не ушло. Может быть, не Погодин, а я буду хозяин нового журнала. Тогда как ты хочешь, а уж Полевого ты пошлешь к матери в гузно...

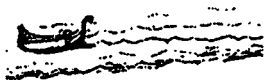
* * *

26.

к Н.С. Алексееву от 1 декабря 1826 года:

... Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии! я опять в своих развалинах — в моей темной комнате, перед решетчатым окном или у тебя, мой милый, в светлой, чистой избушке, смазанной из молдавского говна. Опять рейн-вейн, опять Шатран, и Пушкин, и Варфоломей, и всё.....

* * *

27.

к П.П. Каверину от 18 февраля 1827 года:

Вот тебе янтарь, душа моя Каверин, — каково поживаешь ты в свином городке; здесь тоска по-прежнему — Зубков на днях едет к своим хамам — наша съезжая в исправности — частный пристав Соболевский бранится и дерется по-прежнему, шпионы, драгуны, бляди и пьяницы толкуются у нас с утра до вечера.

Прощай до свиданья.

* * *

28.

к С.А. Соболевскому, вторая половина февраля 1828 года:

Безалаберный!

Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь мне о *M-me Kern*, которую с помощью божией я на днях уёб...

* * *

29.

к кн. П.А. Вяземскому от 1 сентября 1828 года:

...Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом

А в ненастные дни собирались они

часто

Гнули, мать их эти, от 50-ти

на 100.

И выигрывали, и отписывали

мелом.

Так в ненастные дни занимались они

делом.

* * *

30.

к А.А. Дельвигу, середина ноября 1828 года:

... Я совершенно разучился любезничать: мне так же трудно проломать мадригал, как и целку...

* * *

31.

к кн. П.А. Вяземскому около 25 января 1829 года:

... Жуковский со смехом говорил, что говорят, будто ты пьяный был у девок, и утверждает, что наша поездка к бабочке-Филимонову, в неблагопристойную Коломну, подала повод этому упреку. Филимонов, конечно, борделен, а его бабочка, конечно, рублевая, парнасская Варюшка, в которую и жаль и гадко что-нибудь нашего всунуть. Впрочем, если б ты вошел и в не-метафорической бордель. Всё ж не беда...

В письме имеется в виду поездка Пушкина, Вяземского, Жуковского и др. на дружескую вечеринку к поэту и издателю журнала «Бабочка, дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития» Филимонову В.С. в петербургский район Коломна, у Кукушкиного моста. П.А. Вяземский вспоминает в этой связи: «Филимонов жил тогда черт знает в каком захолустье, в деревянной лачуге, точно похожей на бордель. Мы просидели у Филимонова до утра. Полиции было донесено, вероятно, на основании подозрительного дома Филимонова, что я провел ночь у девок» (Прим.сост.).

* * *

32.

к А.Н. Вульффу от 16 октября 1829 года:

... В Бернове я не застал уже толстожопую Минерву. Она с своим ревнивцем отправилась в Саратов.

Иван Иванович на строгом диете (употребляет своих одалисок раз в неделю)...

* * *

33.

к кн. П. А. Вяземскому, конец января 1830 года:

... Я напечатал твоё «К ним» противу воли Жуковского. Конечно, я бы не допустил к печати ничего слишком горького, слишком озлобленного. Но элегическую ебёну-мать позволено сказать, когда невтерпёж приходится благородному человеку...

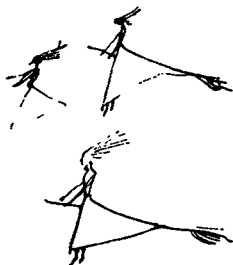
* * *

34.

к кн. П. А. Вяземскому от 5 ноября 1830 года:...

... Когда-то свидимся? заехал я в глушь Нижнюю, да и сам не знаю, как выбраться? Точно еловая шишка в жопе; вошла хорошо, а выйти так и шершаво...

* * *

35.

к А. Н. Верстовскому, вторая половина ноября 1830 года:

... Не можешь вообразить, как неприятно получать проколотые письма: так шершаво, что невозможно ими подтереться — а пиш расцарапаешь.

* * *

36.

к П.А.Плетневу от 7 января 1831 года:

... попуган или сороки Инзовские, которые картавят одну им натверженную ебёну мать...

В Кишиневе в доме генерала Инзова, своего начальника, Пушкин выучил матерным ругательствам сороку, которая и приветствовала этими восклицаниями архиерея, пришедшего к Инзову с поздравлениями на первый день пасхи (из записок Ф.Ф. Вигеля).

* * *

37

к кн. П.А. Вяземскому, 10 — 13 января 1831 г.:

... Вчера видел я кн. Юсупова и исполнил твое поручение, допросил его о Фонвизине, и вот чего добился. Он очень знал Фонвизина, который несколько времени жил с ним в одном доме... Он знает пропасть его *bon mots*, да не припомнит. А покамест рассказал мне следующее: Майков, трагик, встретя Фонвизина, спросил у него, заикаясь по своему обыкновению: видел ли ты мою «Агриопу»? — видел — что ж ты скажешь об этой трагедии? — Скажу: Агриопа, засраная жопа. Остро и неожиданно! Не правда ли?..

* * *

38.

к П.А. Плетневу от 31 января 1831 года:

... Что за мысль пришла Гнедичу посылать свои стихи в «Северную Пчелу»? — Радуюсь, что Греч отказался — как можно чертить анфологическое надгробие в нужнике? И что есть общего между поэтом Дельвигом и говночистом полицейским Фаддеем?..

* * *

39.

к кн. П.А.Вяземскому от 14 августа 1831 года:

... У Жуковского понос поэтический хотя и прекратился, однако он всё еще подрискивает гекзаметрами...

* * *

40.

к кн. П.А. Вяземскому от 3 сентября 1831 года:

... Я начал также подрисывать; на днях испразнился сказкой в тысячу стихов; другая в брюхе бурчит. А всё холера...

* * *

41.

к Н.Н. Пушкиной от 22 сентября 1832 года:

... Насилу дотащился в Москву, обосцанную дождем и встревоженную приездом двора...

* * *

42.

к Н.Н.Пушкиной от 26 августа 1833 года:

...Соболевский здесь incognito прячется от заимодавцев, как настоящий gentleman, и скупает свои векселя. Дорогой вел он себя порядочно и довольно верно исполнил условия, мною ему поднесенные, а именно: 1) платить прогоны пополам, не обсчитывая товарища; 2) не пердеть ни явным, ни тайным образом, разве во сне и то ночью, а не после обеда...

* * *

43.

к Н.Н.Пушкиной от 2 октября 1833 года:

...Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорожденный младенец. Дорогою волочился я за одними 70- и 80-летними старухами — а на молоденьких засцых шестидесятилетних и не глядел...

* * *

44.

к Н.Н.Пушкиной от 30 октября 1833 года:

Вчера получил я, мой друг, два от тебя письма. Спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе задницу, есть чему радоваться! Не только тебе, но и Парасковье Петровне легко приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будут...*

... Гуляй, женка; только не загуливайся и меня не забывай. Мочи нет, хочется мне увидеть тебя причесанную а la Ninon; ты должна быть чудо как мила. Как ты прежде об этой старой курве не подумала и не переняла у ней её прическу?..

* * *

45.

к Н.Н. Пушкиной от 6 ноября 1833 года:

... Повторяю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: *уважения*. Радоваться своими победами тебе нечего. Курва, у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша в этой прическе; я об этом думал сегодня ночью) ...

...Что делает брат? я не советую ему идти в статскую службу, к которой он так же неспособен, как и к военной, но у него по крайней мере жопа здоровая, и на седле он всё-таки далее уедет, чем на стуле в канцелярии...

* * *

46.

к Н.Н. Пушкиной от 11 июня 1834 года

(о Николае I):

... На *того* я перестал сердиться, потсму что, *toute reflexion faite*, не он виноват в свинстве, его окружающем. А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к говну, и вонь его тебе не будет противна, даром, что *gentleman*. Ух, кабы мне удрать на чистый воздух.

* * *

47.

к Н.Н. Пушкиной от 15 сентября 1834 года:

...— Ну, женка, умора. Солдатка просит, чтоб ее сына записали в мои крестьяне, а его-де записали в выблядки, а она-де родила его только 13 месяцев по отдаче мужа в рекруты, так какой же он выблядок? Я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

* * *

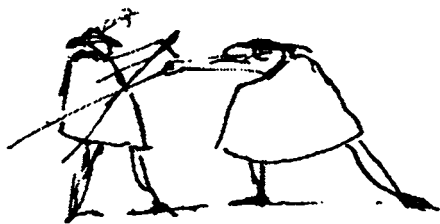

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Алексеев Николай Степанович (1788 – 1854)

Николай Степанович Алексеев познакомился с Пушкиным в сентябре 1820 года, в Кишиневе, куда был сослан поэт. Они были сослуживцами. Н.С. Алексеев состоял тогда чиновником особых поручений при генерале Иване Никитиче Инзове. С тех пор, не смотря на разницу в возрасте, их связала самая нежная дружеская привязанность. В Кишиневе Алексеев ввел Пушкина в тамошнее общество. Человек образованный и культурный, он видел в молодом Пушкине не просто «коллежского асессора», а выдающийся талант, гения. Какое-то время они жили в одной комнате. Сдержанный, рассудительный, уравновешенный Алексеев, как мог, опекал поэта, стараясь предотвратить и загасить безрассудные взрывы неистового пушкинского темперамента. А в Кишиневе неутомимый Александр Сергеевич постоянно оказывался в центре всевозможных историй и скандалов. В припадке гнева поэт как-то даже вызвал на дуэль своего нового друга по совершенно пустяковому поводу. Николай Степанович, понимая горячую, но честную и прямую натуру Пушкина, не раз предотвращал возможное трагическое развитие событий. У Алексеева хранился рукописный сборник произведений Пушкина, которые не могли быть напечатаны по цензурным соображениям, в том числе посвященная ему «Гаврилада». После того, как Пушкина перевели в Одессу, они приезжали в гости друг к другу. И позже дружеская связь не оборвалась — хотя они и не виделись более, но поддерживали переписку.

Аракчеев Алексей Андреевич (1769 – 1834)

Российский государственный и военный деятель, граф (1799), генерал от артиллерии, военный министр (1808 – 1810), в 1815 – 1825 годах доверенное лицо императора Александра I, по влиянию фактически второй человек в государстве, осуществлял внутреннюю политику. После смерти Александра I и восхождения на престол Николая I попал в опалу, и его звезда закатилась. Выходец из небогатой дворянской семьи, отличался крайним педантизмом, жестокостью, грубым нравом. Приверженец палочной дисциплины. Несмотря на скудное образование, он высокомерно и презрительно относился ко всем, кто стоял ниже его по положению; любил, когда перед ним раболепствовали. Эпиграммы Пушкина сделали его смертельно опасным врагом поэта, и лишь заступничество и хлопоты перед государем друзей помогли Александру Сергеевичу избежать печальной участи.

Баратынский Евгений Абрамович (1800–1844)

Поэт, современник и друг Пушкина. Был исключен из Пажеского корпуса и восемнадцати лет стал солдатом лейб-гвардии Егерского полка, расквартированного в Санкт-Петербурге. Как дворянину, ему было позволено жить не в казарме, а на стороне. Тогда-то, в 1818-1819 годах, он и познакомился с Пушкиным, который очень высоко ценил талант Баратынского, певца «пиров и грусти томной». Поэзии Баратынского присущи романтизм, философичность. Его стихотворение «Не искушай меня без нужды», положенное на музыку Глинкой, с успехом исполняется до сих пор.

Барков Иван Семенович (1732 – 1768)

Пушкин был хорошо знаком с творчеством Баркова, академического переводчика и автора многочисленных непристойных похабных стихов, широко расхвалившихся в рукописных списках. Князь П.П. Вяземский вспоминает слова Пушкина: «Барков — одно из знаменитейших лиц в русской литературе; стихотворения его в ближайшем будущем получат огромное значение. В прошлом году я говорил государю на бале, что царствие его будет ознаменовано свободой печати, что я в этом не сомневаюсь. Император рассмеялся и отвечал, что он моего убеждения не разделяет. Для меня сомнения нет, — продолжал Пушкин, — но также нет сомнения, что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будут полное собрание стихотворений Баркова».

Бестужев Александр Александрович (1797 – 1837)

Начал печататься в 1818 году под псевдонимом Марлинский, вместе с Рылеевым издавал альманах «Полярная Звезда», вошел в литературу как поэт и критик. Пушкин познакомился с Бестужевым ещё до отъезда в южную ссылку. Поэты переписывались. Бестужев активно участвовал в событиях декабря 1825 года. После разгрома мятежа не стал скрываться, а явился в Зимний дворец и без утайки поведал о своем участии в беспорядках. Это спасло его от казни: он был разжалован и сослан в Якутск. Позднее император заменил ему ссылку переводом рядовым на Кавказ в действующую армию, где Бестужев явил поведением своим образец доблести и храбрости, «выстрадал и выбил штыком» офицерский чин. Погиб в 1837 году на мысе Адлер в стычке с горцами.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785 – 1864)

Интеллектуал, царедворец, дипломат и государственный деятель, занимал значительные государственные посты, служил товарищем министра народного просвещения и министром внутренних дел, председателем департамента законов; член госсвета, пожалован в графы. Один из учредителей литературного общества «Арзамас». Общение с Пушкиным началось в послелицейский период в «Арзамасе», членами которого они состояли. Блудов уважал талант Пушкина и принимал благожелательное участие в судьбе поэта.

Бобров Семен Сергеевич (конец 1760-х – 1810)

Поэт-мистик. Его творчество служило предметом для насмешек Пушкина.

Бригель Ж.

Модный портной, у которого одевался Александр Сергеевич. Долг Пушкина Бригелю был оплачен Опекой.

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789 – 1859)

Журналист, писатель, редактор, издатель, а по совместительству и негласный осведомитель третьего жандармского отделения. Пушкин относился к доносчику с доходящим до отвращения презрением, что нашло отражение в его многочисленных эпиграммах и памфлетах на Булгарина. Во времена Александра Сергеевича выделяли и весьма не уважали «мундиры голубые» и тех, кто занимался доношением на «инакомыслящих», сотрудничал с политической полицией. Князь Вяземский вспоминает в своих заметках: «Вскоре после учреждения жандармского ведомства Ермолов говорил об одном генерале: «Мундир на нем зеленый, но если хорошенько поискать, то, наверно, в подкладке найдешь голубую заплатку».

Верстовский Алексей Николаевич (1799 – 1862)

Композитор и музыкант, автор песен, романсов, опер. Верстовский написал музыку ко многим стихотворным произведениям Пушкина, которые получили чрезвычайную популярность и распространение. Например, «Черная шаль», «Гишпанская песня» («Ночной зефир»), «Два ворона», «Казак» (из поэмы «Полтава»), «Певец», «Цыганская песня» («Старый муж, грозный муж»), «Муза».

Вигель Филипп Филиппович (1786 – 1856)

Филипп Филиппович Вигель познакомился с Пушкиным в литературном обществе «Арзамас», полноправным членом которого поэт стал сразу после окончания лицея. Был Филипп Филиппович человеком остроумным, желчным, гордым, самолюбивым. Ему пришлось пробиваться наверх из дворянских низов, не имея ни знатного родства, ни связей, что наложило отпечаток на его характер. Как и многие другие старшие товарищи Пушкина по «Арзамасу», Вигель по-отечески относился к молодому поэту, старался незаметно опекать и оберегать его. Филипп Филиппович был гомосексуалистом, и эта его страсть постоянно служила предметом дружеских насмешек и подтруниваний со стороны Александра Сергеевича. Пушкин писал в своем дневнике: «Я люблю его разговор — он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложстве».

Войсейков Александр Федорович (1777 – 1839)

Поэт, критик, журналист, издатель, член литературного общества «Арзамас». Выступил с критической рецензией на «Руслана и Людмилу», которая вызвала ответный шквал эпиграмм и антикритик. Отличался склонностью к мистификациям, литературным и околосредствительным скандалам. Пушкин поддерживал с ним литературные отношения.

Вульф Алексей Николаевич (1805 – 1881)

Приятель Пушкина, сосед по имению. Пушкин общался с ним в Тригорском и Михайловском во время приездов Вульфа на каникулы из Дерптского университета. Они были товарищами и даже соперниками в любовных увлечениях. Во время замышлявшегося опальным поэтом бегства за границу Вульф вызвался ему помочь, однако обстоятельства изменились, и побег не состоялся.

Вульф Анна Николаевна (1799 – 1857)

Анну Николаевну Вульф многие считают прототипом образа Татьяны в «Евгении Онегине». Вульфы — соседи Пушкиных по имению. От Тригорского до Михайловского около двух верст. Пушкин, бывая в Михайловском, постоянно наносил визиты своим соседям. Во время ссылки в Михайловском общение с Вульфами скрашивало поэту тяготы существования. Анна Николаевна Вульф увлекалась музыкой, поэзией, ей нравился Байрон, и Пушкин подарил ей гравированный портрет английского поэта. Она беззаветно, самоотверженно и безответно полюбила Александра Сергеевича и так никогда и не вышла замуж.

Вяземский Пётр Андреевич (1792 – 1878)

Князь Петр Андреевич Вяземский был самым близким другом Пушкина. Пушкин нежно любил и уважал его и как человека, и как поэта. Вяземский отвечал ему взаимностью. Блестяще образованный богатый и знатный аристократ, чей род идет от Рюриковичей; храбрец, участвовавший в Бородинском сражении и награжденный орденом; кутила, игрок, «спустивший» значительную часть огромного состояния, доставшегося ему в наследство; «баловень родных, друзей и прекрасного пола»; философ, чьи меткие точные мысли афоризмами вошли в нашу речь, князь всерьёз увлекался литературой, писал стихи, был членом «Арзамаса». Поэты общались и переписывались. Вяземский любил вставить в свою речь крепкое словцо. Он обильно насыщал непристойностями, сальностями и крепкими словами не только письма к Пушкину, но и к своей жене. Пушкин писал ему в том же роде. Смерть Пушкина потрясла Вяземского. П.И. Бартенов вспоминает: «...Когда тело совсем выносили из церкви, то шествие на минуту загнулось; на пути лежал кто-то большого роста, в рыданиях. Его попросили встать и посторониться. Это был кн. П.А. Вяземский».

Глинка Фёдор Николаевич (1786 – 1880)

Участник Отечественной войны, полковник, поэт, публицист, состоял вместе с Пушкиным членом общества «Зеленая лампа». Отношения между поэтами не прекращались в течение всей жизни. Пушкин, хотя и несколько иронически относясь к поэзии Глинки, называл его «почтеннейшим человеком здешнего мира».

Гнедич Николай Иванович (1784 – 1833)

Переводчик «Илиады» Гомера, поэт, издатель, Гнедич уважал и ценил гений Пушкина. Он переписывался с Пушкиным когда поэт был в опале и это могло повлечь неприятные последствия. Гнедич был первым издателем поэм «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник».

Греч Николай Иванович (1787 – 1867)

Писатель, журналист, критик, издатель, Греч совместно с Булгариным олицетворял верноподданническое «охранительное» направление литературной жизни.

Давыдова Аглая Антоновна (1787 – 1847)

Обворожительная и ветреная француженка увлекала многих мужчин. Она была замужем за А.Л. Давыдовым, после смерти которого уехала в Париж и вышла замуж за маршала Франции Себастиани де ла Порта. Не устоял перед ее чарами и Александр Сергеевич, встречавшийся с красоткой в 1820 – 1821 годах. Её он включил в свой «Дон-Жуанский список» и посвятил ей несколько эпиграммических стихотворений на русском и французском языках, среди которых есть и следующее:

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом ее страшая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

Дельвиг Антон Антонович (1798 – 1831)

Близкий друг Пушкина с лицейских времен, поэт, издатель. Они сохраняли теплые дружеские отношения до ранней смерти Дельвига, которая очень опечалила Александра Сергеевича.

Дембровский Кондратий Иванович (1803 – 1834)

Знакомый Пушкина, танцовщик кордебалета, увлекался изящной словесностью, сочинял стихи. Однажды устроили они меж собой поэтическое состязание, и Дембровский сочинил эпиграмму на Пушкина, в которой отмечалась некрасивая физиономия Александра Сергеевича. Пушкин ответил ему своей эпиграммой.

Дондуков-Корсаков Михаил Александрович (1794–1869)

Князь, председатель Цензурного комитета, вице-президент Академии наук. Переписывался и общался с Пушкиным по вопросам цензуры. Пушкин пишет в своем дневнике: «... Дондуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом». Ходили слухи о том, что продвижению по карьерной лестнице князь обязан своей противоестественной порочной связи с С.С. Уваровым. После того, как Пушкин познакомился с князем лично, мнение его о Дондукове-Корсакове изменилось, и он жалел о написанной на него эпиграмме.

Жуковский Василий Андреевич (1783 – 1852)

Поэт, один из самых преданных и верных друзей Пушкина, чувствовавший и осознававший значение гения. Жуковский по мере своих возможностей незаметно опекал и направлял судьбу Александра Сергеевича, и даже после его смерти принял живейшее деятельное участие в семье и творческом наследии поэта.

Зубков Василий Петрович (1799 – 1862)

Приятель Пушкина, в его доме в Москве на Малой Никитской Пушкин проводил много времени и даже «волочился» за женой Зубкова.

Зубов Алексей Николаевич (1798 – 1864)

Был гусаром, а в 1822 году вышел в отставку и стал директором Нижегородской ярмарки. Пушкин встречался с ним в обществе офицеров Гусарского полка и у общих знакомых.

Инзов Иван Никитич (1768 – 1845)

Под начало генерал-лейтенанта Инзова, главного попечителя и председателя Комитета об иностранных поселенцах южного края России, Пушкин был выслан в Кишинев, в свою южную ссылку. Генерал был холост и бездетен, возможно поэтому трудно назвать его отношение к опальному поэту иначе, нежели отеческим. Поэт постоянно попадал в истории: столкновения с молдавскими дворянами, дуэли с карточными игроками, ссоры с

офицерами, непрерывные разнообразные любовные приключения... Инзов благоволил «коллежскому секретарю» и всячески старался «притушить» подогретые жарким южным солнцем вспышки неукротимого бешеного ганибальского темперамента, то отправляя Пушкина в командировки, то сажая под домашний арест (не забывая, впрочем, снабжать поэта французскими журналами). В доме у Инзова Пушкин выучил матерным ругательствам сороку, которая приветствовала этими неприличными восклицаниями архиерея, пришедшего с поздравлениями на первый день пасхи.

Истомина Евдокия Никитична (1799 – 1848)

Прима-балерина петербургского Большого театра Александр Сергеевич «волочился» за ней, но без взаимности. Исполнительница ролей в балетах на произведения Пушкина «Кавказский пленник» и «Руслан и Людмила». Оказалась в центре драматических событий, когда из-за нее в 1817 году на дуэли был убит Шереметев В.В., а дуэль Грибоедова А.С. с Якубовичем А.Я. (впоследствии декабристом) была перенесена и состоялась через год на Кавказе, где отменный стрелок Якубович хладнокровно прострелил Грибоедову руку, чтобы тот не мог играть на рояле. Полагают, что эти события легли в основу фабулы к повести Пушкина «Выстрел». Сохранились творческие замыслы поэта, в которых он предполагал использовать трагическую историю жизни Истоминной.

Каверин Пётр Павлович (1794 – 1855)

Гусар, участник Отечественной войны, отчаянный бретёр, лихой кутила, сердцеед, театрал, поэт; был дружен с Пушкиным, который участвовал в гулянках, кутежах и забавах Каверина.

Канкрин Егор Францевич (1774 – 1845)

Человек разносторонний, экономист, музыкант, архитектор, военный инженер, писатель, он более двадцати лет служил министром финансов. При нем была осуществлена денежная реформа. Пушкин был знаком с Канкриним и неоднократно встречался с ним по финансовым вопросам.

Каченовский Михаил Трофимович (1775 – 1842)

Профессор Московского университета, историк, статистик, широко образованный человек, критик, переводчик, издатель журнала «Вестник Европы». Считал, что «Слово о полку Игореве» — подделка. Между Пушкиным и Каченовским шла острая литературная полемика.

Керн Анна Петровна (1800 – 1879)

Обаятельная красавица, умная, тонко чувствующая, общительная, Анна Петровна разбила не одно мужское сердце. Сильно, хотя и не надолго, увлекся ей и Пушкин. Она ответила ему взаимностью. Ей он посвятил волшебное «Я помню чудное мгновенье»...

Киселев Николай Дмитриевич (1802 – 1869)

Знакомый Пушкина, учившийся вместе с близким приятелем Пушкина поэтом Языковым Н.М. в Дерптском университете, дипломат. Блестяще знал иностранные языки, был отлично образован, любил музыку, живопись.

Крылова Мария Михайловна (1804 – 1834)

Балерина, выпускница Петербургского театрального училища. Александр Сергеевич общался с Крыловой до своей южной ссылки, когда после окончания лицея молодой Пушкин с головой окунулся в светскую жизнь. По словам его товарища, в то время поэт льнул к аристократическим франтам и бездельникам. Он зачастил в театры, стал своим человеком за кулисами, играл в карты, кутил, ссорился с приятелями из-за актрис и общедоступных женщин, дрался на дуэлях, — словом, вел себя, как подобало в кругу «золотой молодежи».

Кюхельбеккер Вильгельм Карлович (1797 – 1846)

«Лицейской жизни милый брат» Пушкина, поэт, литературный критик, издатель. В лицее состоялась между ними дуэль, вызванная шутливым четверостишьем Пушкина. Кюхельбеккер неловким выстрелом своим пробил фуражку на голове Дельвига. Пушкин же отбросил свой пистолет. За участие в событиях 14 декабря 1825 года на Сенатской площади был осужден к 20 годам каторги.

Александр Сергеевич не терял связи со своим лицейским товарищем даже после сурового приговора. Он содействовал публикации его произведений, а в 1936 году письменно пригласил Кюхельбеккера сотрудничать в журнале «Современник».

Лобанов Михаил Евстафьевич (1787 – 1846)

Переводчик, драматург, поэт, член Российской Академии, автор литературоведческих статей.

Мансуров Павел Борисович (1795 – 1880)

Участник Отечественной войны, кавалерист, гвардеец. Познакомился и начал общаться с Пушкиным в послелицейский период в петербургских околотеатральных и литературных кругах. «Закадышный друг» поэта. Состоял вместе с Пушкиным в «беспутнейшем» обществе «Зелёная лампа».

Молоствов Памфила Христофорович (1794–1828)

Знакомый Пушкина с лицейских лет офицер Лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в Царском селе. Участник Отечественной войны.

Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874)

Поэт, писатель, автор книг духовного содержания, член Российской Академии, с 1827 года чиновник Министерства иностранных дел, чиновник за Обер-

прокурорским столом святейшего Синода (1833—1836), с 1836 года камергер. Имел большое влияние на духовенство, считался большим другом московского митрополита Филарета. Общался с Пушкиным начиная с 1826 г. По словам Языкова, Александр Сергеевич «терпеть не мог Муравьева», однако их отношения поддерживались до самой смерти поэта. Пушкин печатал в «Современнике» произведения Муравьева. Муравьев присутствовал в квартире умирающего Пушкина и был опечален смертью поэта.

Олсуфьев Василий Дмитриевич (1796 — 1858)

Познакомился с Пушкиным в лицейский период в Царском селе, когда служил офицером в лейб-гвардии Гусарском полку, там расквартированном. Общался с Пушкиным и в Петербурге. Автор дневника о встречах с поэтом.

Орлов Михаил Федорович (1788 — 1842)

Внебрачный сын графа Ф.Г. Орлова, принимал участие в кампаниях против Наполеона, в том числе и в Отечественной войне. Георгиевский кавалер, флигель-адъютант императора, генерал-майор в 26 лет. Подписывал акт о капитуляции Парижа. По окончании войны увлекся общественной деятельностью, активно участвовал в тайных обществах. После событий декабря 1825 года заключен в Петропавловскую крепость, откуда че-

рез шесть месяцев выслан под надзор в свое имение в Калужской губернии. В 1831 г. получил разрешение вернуться в Москву. Занимался публицистикой и политэкономией. Знакомство и общение с Пушкиным началось в 1817 г. в литературном обществе «Арзамас».

Орлова Екатерина Николаевна (1797 – 1885)

В девичестве Раевская, в 1821 году вышла замуж за М.Ф. Орлова. Красавица, умница, которую Пушкин называл «женщиной необыкновенной». Общение с Пушкиным началось в доме ее родителей в 1817 году. Включена Пушкиным в «Дон-Жуанский список» под именем Екатерина III. Поэт посвятил ей несколько стихотворений.

Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1785–1848)

Камер-фрейлина, дочь графа Орлова-Чесменского, наследница многомиллионного состояния, фанатичная поклонница, покровительница и «духовная дочь» архимандрита Фотия. Личная жизнь ее не сложилась — она отказала посватавшемуся к ней молодому блестящему генералу Николаю Каменскому, который вскоре после этого умер от отравления ядом. Нашла утешение в религии. Попав под сильнейшее влияние архимандрита Фотия, она жертвовала огромные деньги на монастыри и церкви, перевела часть своих крестьян в вольные хлебопашцы, способствовала выдвижению архимандрита и росту его влияния при дворе.

Палицын Александр Александрович (175? – 1816)

Отставной офицер, жил в своем имении под Харьковом, занимался переводами, немного писал стихи.

Плетнев Пётр Александрович (1729 – 1865)

Один из ближайших и преданнейших друзей поэта, преклонявшийся перед талантом гения. Поэт и критик, издатель, при непосредственном участии которого были изданы почти что все книги Пушкина, профессор русской словесности, а потом и ректор Петербургского университета, член Академии наук. Во время ссылки Пушкина переписывается с поэтом и издает его произведения, за что попадает в разряд «неблагонадежных» и под негласный надзор. Сам Плетнев отмечал, что в течение двадцати лет он был для Пушкина «и родственником, и другом, и издателем, и кассиром».

Погодин Михаил Петрович (1800 – 1875)

Сын крепостного крестьянина, закончил Московский университет, поэт, историк, журналист, издатель, профессор Московского университета, академик. Как сказал о нём Пушкин, «истинный немец по чистой любви к своей науке, трудолюбию и умеренности». Или еще: «очень, очень дельный и честный молодой человек». Погодин и Пушкин переписывались и общались в связи с литературно-издательскими проектами.

Полевой Николай Алексеевич (1796 – 1846)

Журналист, критик, издатель журнала «Московский телеграф», который Пушкин назвал «лучшим из всех наших журналов» и в котором были напечатаны его стихи и критические статьи. Однако редакционная политика и взгляды Полевого расходились с воззрениями Пушкина, что послужило причиной их расхождения и предметом для литературной борьбы.

Полторацкие – Алексей Павлович (1802 – 1863) и Михаил Александрович (1801 – 1836)

Офицеры Квартирмейстерской части, участники топографических съемок в Бессарабии, знакомые Пушкина по Кишиневу.

Пушкин Василий Львович (1766 – 1830)

Дядя Александра Сергеевича, член литературного общества «Арзамас», поэт, автор фривольной поэмы «Опасный сосед», библиофил, оказал большое влияние на юного Пушкина.

Пушкин Лев Сергеевич (1805 – 1852)

Младший брат поэта, учился в Благородном пансионе при Царскосельском лицее и в Благородном пансионе при Петербургском Университете. Участвовал в персидской и польской кампаниях. Любил кутить, играть в карты, пускаться в загул. Александр Сергеевич, хотя и сам находился в стесненных финансовых обстоятельствах,

зачастую оплачивал долги младшего брата. Обладал феноменальной памятью. Узнав о смерти Льва Сергеевича, кн. П.А. Вяземский писал: «С ним можно сказать погребены многие стихотворения брата его, неизданные, может быть даже и не записанные, которые он знал наизусть. Память его была та же типография... В ней отпечатывалось все, что попадало в ящик её».

Пушкин Иван Иванович (1789 – 1859)

Один из ближайших друзей Пушкина, его товарищ по лицею. Не прерывали они общения и после окончания учебы. Участвовал в мятеже декабря 1825 года и был осужден к пожизненной каторге. Пушкин посвятил своему другу много стихотворений, в том числе и «Мой первый друг, мой друг бесценный».

Пушкин Михаил Иванович (1800 – 1869)

Брат И.И. Пушкина, товарища Пушкина по лицею. Воспитанник 1-го кадетского корпуса, офицер, за участие в декабрьском мятеже 1825 года был лишен дворянского звания и отдан в солдаты, служил на Кавказе. Автор воспоминаний о встречах с Пушкиным в Закавказье и на Кавказских минеральных водах.

Родзянко Аркадий Гаврилович (1793 – 1846)

Поэт, вместе с Пушкиным состоял членом общества «Зеленая лампа», встречался с Александром Сергеевичем в литературных кругах в Петербурге. Поэты переписывались, посвящали друг другу стихотворения.

Сабуров Яков Иванович (1798 – 1858)

Знакомый Пушкину в лицейские годы офицер лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в Царском Селе.

Слёнин Иван Васильевич (1789 – 1836)

Петербургский книготорговец, в чьем магазине на Невском часто бывал Пушкин. У него продавались произведения Пушкина, он скупил большую часть первого издания «Руслана и Людмилы». Слёнин участвовал в издании журналов и писал стихи.

Соболевский Сергей Александрович (1803 – 1870)

Однокашник брата Пушкина Льва Сергеевича по Благородному пансиону при Петербургском университете. Там и познакомился с А.С. Пушкиным, и вскоре они стали очень близкими друзьями. Соболевский помогал поэту в издании книг, он вёл его финансовые дела, они вместе проводили много времени, одно время Пушкин жил на московской квартире Соболевского. Имел большое влияние на поэта и предотвратил не одну дуэль, обусловленную вспыльчивостью Пушкина. Так, ему удалось уладить ссору между Пушкиным и заядлым дуэлянтом Федором Толстым, «Американцем»: дуэль меж ними не состоялась, а недавние враги стали приятелями. Утверждают, что Соболевский сумел бы отговорить поэта от дуэли с Дантесом, ежели бы был рядом в тот момент.

Струдза Александр Скарлатович (1791– 1854)

Сын бывшего молдавского господаря, чиновник Министерства иностранных дел, публицист, убежденный сторонник абсолютной монархии. Был идеологом «Священного союза», считал университеты рассадником революционных идей. Пушкина возмущали статьи и взгляды Струдзы, но познакомившись лично, поэт нашёл в нем эрудированность, образованность, ум.

Тимковский Иван Осипович (1768 – 1837)

Известный своей придирчивостью петербургский цензор, который запретил печатать «Русалку».

Тургенев Александр Иванович (1784 – 1845)

Литератор, директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, камергер с 1819 г., блестяще образованный человек, изучал исторические науки в Геттингенском университете, член литературного общества «Арзамас». Много работал в европейских архивах: собирал материалы по Российской истории. Близко общался с Пушкиным и принял заметное участие в судьбе поэта. По его совету Пушкин был определен в Царско-сельский лицей, и в дальнейшем его доброе влияние не раз благотворно сказывалось на обстоятельствах жизни Александра Сергеевича. Они общались в течение всей жизни поэта, а перед его дуэлью и смертью постоянно посещали друг друга, беседуя об истории России.

Уваров Сергей Семенович (1786 – 1855)

Автор государственной максимы «Православие, самодержавие, народность», один из основателей литературного общества «Арзамас». Блестяще образованный государственный деятель, сделавший головокружительную карьеру, бывший президентом Академии наук, Министром народного просвещения, председателем Главного управления цензуры, пожалованный в графы, — и в то же время человек жадный, подлый, развратный, мстительный, не гнушавшийся никакими средствами. К молодому Пушкину Уваров отнёсся поначалу весьма благожелательно, особенно восхищался пушкинским «К клеветникам России», которое перевел на французский язык. Но гордость, независимость и благородство поэта раздражали Уварова, и добрые отношения между ними перешли в открытую вражду. Пушкин пишет в своем дневнике: «Уваров большой подлец. ...это большой негодяй и шарлатан». Меткие эпиграммы и сатиры Александра Сергеевича на Уварова превратили последнего в очень опасного смертельного врага поэта.

Филимонов Владимир Сергеевич (1787 – 1858)

Участник Отечественной войны, поэт, прозаик, переводчик, издатель журнала «Бабочка, дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития». Автор книг «Проза и стихи», «Дурацкий колпак».

Фотий (Архимандрит Фотий) (1792–1838)

В миру Петр Никитич Спасский, архимандрит с января 1822 года, церковный мракобес, «полу-фанатик, полуплут», «возвысивший вопль свой, яко трубу». Благодаря покровительству графини Орловой-Чесменской был приближен ко двору и имел большое влияние на императора. Считал и преподносил себя неким орудием Провидения, предназначенным для обличения сил зла, и спасителем Церкви, Престола и Отчества. Входил в придворную партию Аракчеева. Постоянно подавал государю «картинки», в которых туманно описывал свои бредовые, мрачные предчувствия и видения. После смерти Александра и воцарения Николая I был отлучен от дворца.

Хвостов Дмитрий Иванович (1756 – 1835)

Сенатор граф Дмитрий Иванович Хвостов прославился метроманией — болезненной страстью к сочинению стихов. Все свое свободное время, силы и немалые деньги он тратил на написание, издание, распространение плохоньких нескладных и зачастую просто курьезных вирш, которые плодил по любому поводу в великом множестве. Хвостов был женат на племяннице светлейшего князя А.В. Суворова, который ему всегда благоволил. Генералиссимус часто убеждал Дмитрия Ивановича утомониться и перестать писать стишки, из-за которых его прозвали Митькой Стихоплетовым. В мае 1800 года Суворов умер в квартире графа и графини Хвостовых,

к нему в спальню на несколько минут по одному входили проститься близкие люди. Когда к умирающему вошел Хвостов и, встав на колени, со слезами на глазах поцеловал уже холодеющую руку, Суворов сказал ему:

— Любезный Митя, ты добрый и честный человек! Заклинаю тебя всем, что есть для тебя святого, брось своё виршеслагательство! Уж коли не можешь превозмочь этой глупой страстишки, пиши стишонки для себя и своих близких, а только не печатайся, не печатайся, помилуй Бог! Это к добру не приведет: ты сделаешься пошмишищем всех порядочных людей!

Едва Хвостов возвратился в залу, знакомые и родные подступили к нему с расспросами.

— Увы! — отвечал Хвостов, утирая платком слёзы. — Хотя еще и говорит, но без сознания, бредит...

К старости мания графа Хвостова усилилась, и он стал притчей во языцех.

Чаадаев Петр Яковлевич (1794 — 1856)

Участник Отечественной войны 1812 г. Знакомство и общение с Пушкиным началось в лицейские годы, когда Чаадаев был корнетом лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в Царском селе. Влияние Чаадаева на Пушкина было «изумительным». Писатель, философ, религиозный мыслитель, автор «Философических писем». За публикацию первого из писем журнал «Телескоп» был закрыт, а сам Чаадаев был объявлен властями сумасшедшим.

Шелехов Иван Иванович (17?? – 1855)

Воспитанник Благородного пансиона при Московском университете. Малоизвестный переводчик, издатель «Журнала для сердца и ума».

Ширинский-Шихматов Сергей Александрович (1783–1837)

Князь, поэт, член Российской Академии.

Шишков Александр Семенович (1754 – 1841)

Адмирал, участвовал в русско-шведской войне, член Государственного совета, президент Российской академии, министр народного просвещения, председатель цензурного управления, почетный член Академии наук, писатель, автор филологических работ. Был убежденным консерватором. Выступал против отмены крепостного права. Считал, что литература должна опираться на старославянский язык и фольклор. Со слов близких людей, Шишков «в Пушкине признавал истинный талант. Он ему нравился больше Жуковского — за особенную чистоту языка и всегдашнюю ясность».

Щербинин Михаил Алексеевич (1798 – 1841)

Участник Отечественной войны, офицер. «Щербинин, резвый друг забавы», общался с Пушкиным в послелицейский период. Они весело проводили время «с Амуром, шалостью, вином», чему способствовали веселый легкий нрав, богатство и щедрость Щербинина.

Юрьев Фёдор Филиппович (1796 – 1860)

Участник Отечественной войны, офицер, кавалерист. Общался с Пушкиным в обществе «Зелёная лампа», членами которого они состояли, в околотеатральных кругах.

Юсупов Николай Борисович (1750 – 1831)

Князь, дипломат, сенатор, член Государственного совета, аристократ, вельможа, один из богатейших и знатнейших людей того времени, давний знакомый семьи Пушкиных. Человек незаурядный, по-европейски образованный, много повидавший и знавший, он очень интересовал поэта, посещавшего Юсупова в его роскошном дворце в усадьбе Архангельское. Был посаженным отцом на свадьбе Пушкина.

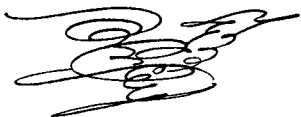

СОДЕРЖАНИЕ

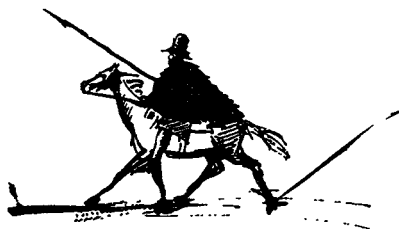
<i>Предисловие</i> _____	6
Стихотворения _____	9
От всенощной вечор идя домой_____	11
Куплеты на слова «С позволения сказать»_____	12
К портрету Каверина (В нем пунша и войны кипит всегдашний жар)_____	14
Орлов с Истоминой в постеле_____	16
На Каченовского (Эпиграмма) (Бессмертную рукой раздавленный зоил)_____	17
На Струдзу (Эпиграмма) (Холоп венчанного солдата)_____	18
27 мая 1819 года (Веселый вечер в жизни нашей)___	19
Мансурову (Мансуров, закадышный друг)_____	20
Юрьеву (Здорово, Юрьев именинник)_____	21
Ты и я (Ты богат, я очень беден)_____	22
На Аракчеева (Эпиграмма) (Всея России притеснитель)_____	23
Дельвигу (Друг Дельвиг, мой парнасский брат)___	24
Оставя честь судьбе на произвол (Эпиграмма)_____	26
Раззевавшись от обедни_____	27
Вяземскому (Язвительный поэт)_____	29
Мой друг, уже три дня_____	30
Из письма к Вигелю (Проклятый город Кишинев)___	32

Телега жизни _____	34
Мне жаль великия жены _____	35
К Сабурову (Сабуров, ты оклеветал) _____	36
Твое соседство нам опасно _____	37
Веселого пути я Блудову желаю _____	38
Брови царь нахмуря _____	39
Из письма к Вяземскому (В глуши, измучась жизнью постной) _____	40
Анне Н. Вульф (Увы! напрасно деве гордой) _____	41
Сводня грустно за столом _____	42
Рефутация Беранжера _____	46
На картинки к «Евгению Онегину» _____	48
Из письма к Вяземскому (Любезный Вязем- ский, поэт и камергер) _____	49
И дале мы пошли _____	50
В Академии наук (Эпиграмма) _____	52
К кастрату раз пришел скрыпач _____	53
Баллада «Тень Баркова» _____	55
Поэма «Гаврилиада» _____	71
Сказка «Царь Никита и сорок дочерей» _____	99
Стихотворения, приписываемые Пушкину _____	111
Вигелю (Для чего, скажи мне, Вигель) _____	114
Гр. Орловой-Чесменской (Богopodobная жена) _____	115

Разговор Фотия с гр. Орловой (Внимай, что я тебе вещаю)	116
Как счастливы библисты	117
Еще ль наш архирей не свят	118
Мы добрых граждан позабавим	119
Фонарь (Друзья, не лучше ли на место фонаря)	120
Канкрину	121
Императору Николаю (Великий государь)	122
На К. Дембровского (Эпиграмма) (Когда смотрюсь я в зеркала)	123
Войейкову (Орликом и в колпаке)	124
Агафье	125
Она тогда ко мне придет	126
Не верю чести игрока	127
Накажи, святой угодник	128
Сожаленье не поможет	129
Все изменилося под нашим Зодиаком	130
Андрею Муравьеву (Эпиграмма) (На диво нам и всей Европе)	131
Отрывки из писем Пушкина	133
Указатель имен	161
Содержание	189

А.С.ПУШКИН. «РУССКИЙ ТИТУЛ» ИЛИ БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

ОПТОВИКИ! ВНИМАНИЕ!!!

Эту книгу по самым низким ценам можно купить во
Всероссийском книжно-торговом выставочном центре

ОАО «ЦЕНТРКНИГА»

Москва, 2-я Фрезерная, 14, тел.(095)171-96-93

http: www.centrkniga.ru; e-mail: astahov@centrkniga.ru

Книга издана за счет средств составителя

E-mail: mississippi@mtu-net.ru

Издательство «РАНДЕВУ-АМ», Москва, Олимпийский проспект, 30
Лицензия ЛР №065494 от 31.10.1997; E-mail: randevu_am@mtu-net.ru

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2, 953000 – книги, брошюры.

Формат 70 x 92/32 Бумага офс. Объем – 6 печ.л.

Отпечатано в ФГУИПП «Янтарный сказ». Заказ 6554.
236000, Россия, Калининград, ул. К. Маркса, 18

